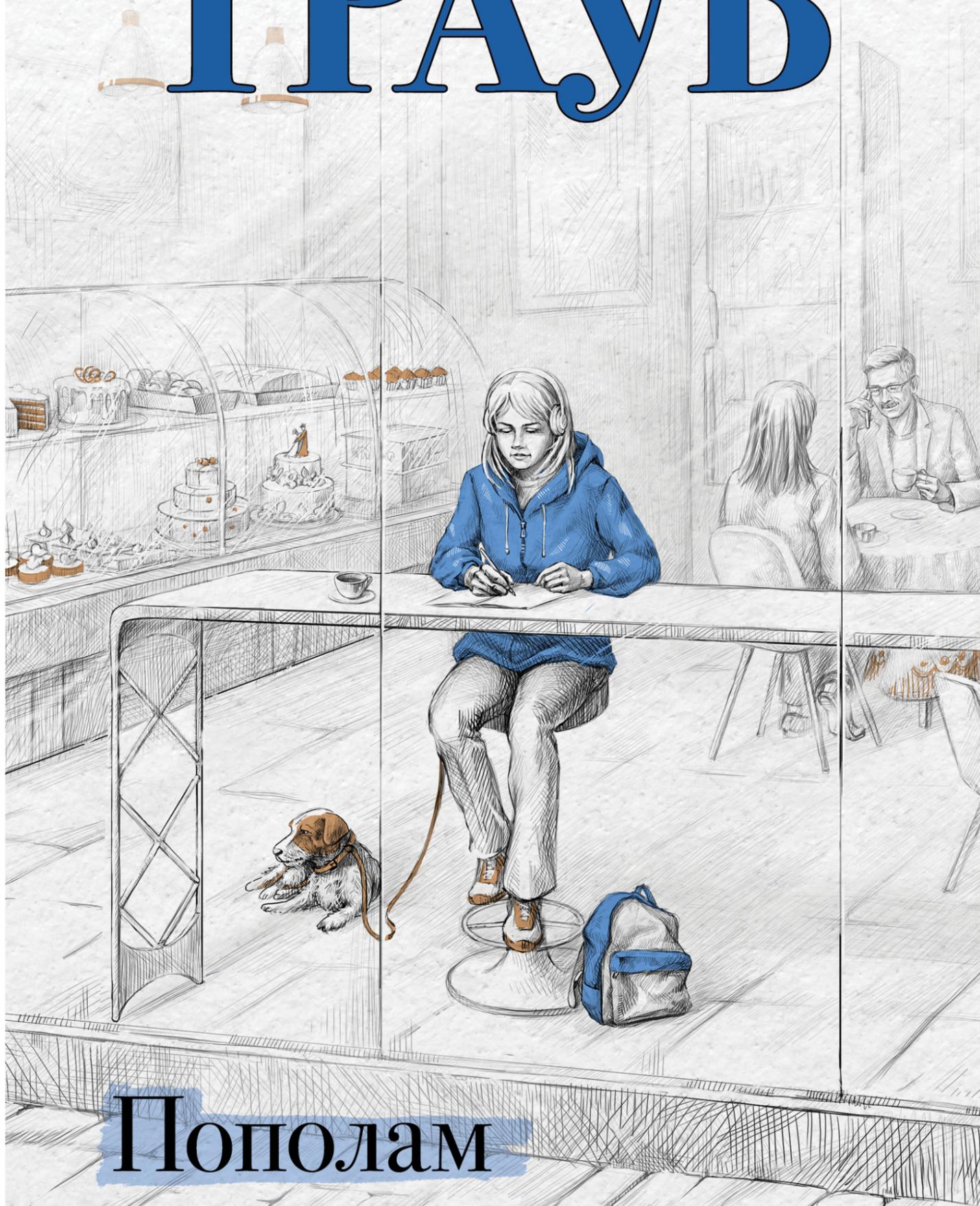

МАША ТРАУБ

Пополам

Проза Маши Трауб. Жизнь как в зеркале

Маша Трауб

Пополам

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Пополам / М. Трауб — «Эксмо», 2024 — (Проза Маши Трауб.
Жизнь как в зеркале)

ISBN 978-5-04-196233-3

У Маши Трауб редкий талант – передать чувства героев так, что читатель переживает вместе с ними, сочувствует им и пытается понять их, даже если думает иначе. «Пополам» – роман о людях, которые очень хотели любить, но не смогли, потому что их этому не научили. Анна и Георгий поженились от отчаяния – просто потому что надо в конце концов кого-то найти. Но близкими людьми так и не стали – настолько, что Георгий даже не рассказал жене, что вырос в детском доме. После развода Анна предложила разделить детей: Антон остается с отцом, младшая дочь Юлька – с матерью. О том, что почувствуют дети, никто не подумал. Взрослые, обожженные собственной болью, оказались не в состоянии уберечь от боли детей. Но, к счастью, дети часто оказываются мудрее своих родителей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196233-3

© Трауб М., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Антон	6
Анна	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маша Трауб Пополам

Оформление серии и переплета *Александра Кудрявцева*, студия графического дизайна
«*FOLD & SPINE*»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

© Трауб М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

АНТОН

– Здравствуйте, дядь Коля, можно мне пройти? Я к Юльке. Пожалуйста! – Антон стоял перед охранником. Он учился уже в старшей школе, седьмой класс, и в младшую школу им заходить было нельзя. Младшая сестра Юлька училась в третьем, и он обещал, что зайдет ее проведать.

– Тебя дядя Коля не пустит, – сказала Юлька, когда они договаривались встретиться.

– Пустит, – заверил сестру Антон.

– Я буду тебя ждать, – сказала Юлька, и Антон не мог не сдержать обещание.

Охранник младшей школы, которого все звали дядя Коля, а он знал, кажется, всех детей, мам и бабушек по именам и в лицо, тяжело вздохнул и поднялся из-за своей тумбы. Мальчишка, на вид второклассник, собирался пролезть под турникетом, но зацепился рюкзаком и дергался, пытаясь вырваться. Лямки рюкзака трещали по швам.

– Максим, третий разорванный рюкзак за неделю твоя бабушка не переживет. Ну, забыл ты проходилку, скажи мне, я кнопку нажму. Пройдешь как человек. Да стой ты! Вон уже одну лямку почти отодрал. Опять расхристаный. И где твоя сменка? – Дядя Коля заботливо пытался вызволить мальчонку из капкана турникета. Оказавшись на свободе, Максим понесся к дверям.

– Сменка! – крикнул вдогонку дядя Коля. – Бабушка опять придет искать. Пожалей ее!

Максим остановился и кинулся обратно. Естественно, опять поднырнув под турникет. И, естественно, опять неудачно. Зацепился, но уже с другой стороны.

– И так каждый день, – тяжело вздохнул дядя Коля, высвобождая многострадальный рюкзак мальчика. – Ну ничему тебя опыт не учит, сын ошибок трудных. Ты хоть сверху попробуй в следующий раз перепрыгнуть. Или вон через заграждение пролезь. Столько вариантов. А ты все по одному сценарию. Вот я и не пойму, упрямый ты или дурной?

Дядя Коля говорил ласково, даже нежно.

– Дядь Коля, так мне можно пройти? – уточнил вежливо Антон. Он знал, что охранник только с виду такой суровый. По школе ходили слухи, что он то ли бывший десантник, то ли эмчэсовец, то ли спецназовец, то ли сразу все вместе. Но Антон чувствовал, что охранник не злой, а очень добрый. Мог пропустить вопреки правилам.

– Тоха, ты еще здесь? Ну что ты как неродной? – удивился дядя Коля. – Только посмотри на этого обормота: вижу цель, не вижу препятствия. Да пока я с ним возился, ты сто раз мог пройти. Я бы не заметил. Да я и не заметил! И Максим не заметил, да?

Мальчонка с готовностью кивнул и бросился в раздевалку за сменкой.

– Ну, не знаю, что с ним делать. Как объяснить пацану, что схватка с турникетом неравная? – рассмеялся дядя Коля.

– Спасибо, дядя Коля, – поблагодарил охранника Антон.

– Ты это, заходи хоть на перемене. Поговори с Юлькой. Совсем девка с катушек слетела. Вот упрямая, – заметил дядя Коля.

– Ее обидели? Кто-то ударил? Обзывали? – Антон застыл на месте. Он сам страдал в младшей школе и от одноклассников, и от старших. Ничего, кроме липкого страха, о том времени не помнил. Класс их считался слабым, сложным по поведению и проблемным, по оценке школьного психолога Полины Игоревны, к которой регулярно ходили все ученики, кроме тех, кому действительно требовался психолог.

Чаще всех в классе у психологини оказывался Антон. Полина Игоревна, с точки зрения мальчика, сама остро нуждалась в психологической помощи. Она никогда не улыбалась. Ее лицо все стремилось вниз – уголки губ, уголки глаз. Но она не казалась грустной, ее не хотелось рассмешить. Вроде бы ласково обращалась к детям: «зайка», «котенок», «малыш», но это было лишь потому, что она не могла или не хотела запомнить имя ребенка. Даже имени Антона, с

которым вела беседы чуть ли не через день. Может, такая особенность памяти – он не знал. Однако в этих котятках и зайках не было ни грана эмпатии или хотя бы показной нежности. Полина Игоревна детей, как, впрочем, и людей в целом, не понимала, не чувствовала и не стремилась к этому. Для нее дети были теми же неприятными и даже отвратительными взрослыми, только в силу профессии она вынуждена была с ними общаться, чего ей вовсе не хотелось.

Антон, чтобы найти какое-то оправдание психологине, думал, что у нее нет собственных детей, а вот когда появятся, она подберет, начнет хоть чуть-чуть понимать школьников, с которыми работает. Но оказалось, что Полина Игоревна давно познала радость материнства – ее сын Валера учился в четвертом классе и не был отчислен из школы лишь потому, что его мама работала в школе психологом. Валера был неуправляем, гиперактивен и считал, что ему все дозволено, чем и пользовался: обижал младших, хамил учителям, был жестоким – мог ударить, ошпарить горячим чаем, вылить тарелку с супом на голову тому, кто слабее. Ему нравилось издеваться. С ним даже старшие хулиганы старались не связываться. Его считали вроде как дурачком, но не безобидным, а злым. Старшие говорили, что он полный придурок, больной на всю голову. Младшие не понимали, что происходит, просто терпели. Знали, что Валере все равно ничего за его проступки не будет. Он мог вдруг заплакать, изобразить приступ аппендицита. Однажды специально поранил себя ножницами – пришлось вызывать скорую помощь. Все в школе знали, что Валера ведет себя неадекватно, но ничего не предпринимали. Почему? Антон не понимал. Да, мама – психолог, классный руководитель первого «Д», ну и что? Первоклашкам можно только посочувствовать, если у них такая классная. И тогда почему его, Антона, сестра считается ненормальной, агрессивной, если просто дает отпор, дерется, защищаясь от нападков и оскорблений? Почему он сам считался странным, если отвечал словом? Или вовсе не отвечал, надеясь избежать открытого конфликта?

Антон прекрасно помнил, как его опять вызвали на беседу с Полиной Игоревной – та занимала кабинет на третьем этаже. Он сидел и ждал, когда придет психологиня.

– Мам, мааам! – В кабинет залетел Валера и, заметив Антона, удивился: – Ты чё тут? А где мама?

– Какая мама? – не понял Антон.

– Валера? Ты почему здесь? – В кабинет вошла Полина Игоревна.

– Здравсте, Полина Игоревна, – поздоровался Валера, но не таким тоном, каким дети приветствуют учителя.

– Все в порядке? – уточнила психологиня.

– Да, я потом. – Мальчик вылетел из класса.

И только тогда до Антона дошло, что Валера – сын психологини. Ходили слухи, что он чей-то сын – то ли директора, то ли завуча, но чтобы психологини...

Антон думал, каково это – называть свою маму по имени-отчеству, хранить в тайне родство, никому не признаться, что мама – Полина Игоревна. Но это ладно. Почему он называл маму не мамой? Зачем? Ну, говорил бы правду. Антон тогда был ошарашен – как можно прилюдно считать маму чужой женщиной, учительницей, обращаться к ней официально?

Они столкнулись в раздевалке.

– Не говори никому, ладно? – вдруг попросил Валера Антона.

Тот кивнул.

– Мама запретила, говорит, надо соблюдать дистанцию. Не понимаю зачем. Можно подумать, никто не знает. – Валере, кажется, захотелось выговориться. – Это она заставила меня называть ее только по имени-отчеству.

– Да всем наплевать, – ответил Антон, – моя одноклассница называет бабушку Надей, по имени, тоже все возмущаются, а она так привыкла. Кому какое дело? Ну называй как просит, ты же знаешь, что она твоя мама.

– Чё, правда? Бабушку по имени? – удивился Валера.

– Иногда мам называют по имени – Галя или Настя. Сто раз слышал. И отчимов тоже. Не папой или дядей Генной, а просто Генной или Женей, – ответил Антон. – Какая разница, кто как кого называет. Наплевать.

– Ее никто не любит и меня тоже, из-за нее. Если мать – психолог, то я вроде как тоже должен быть психическим. Вот я и соответствую, – хмыкнул Валера.

– А меня к твоей маме вызывают, – признался Антон. – За то, что не даю отпор и не дразнюсь. Так что мы с тобой одинаковые.

После того разговора – и это Антон смог понять позже, сопоставив факты, – его перестали вызывать на беседы к Полине Игоревне. Он вдруг стал совершенно нормальным мальчиком, хотя до этого считался сложным, непредсказуемым, нестабильным. Антон догадался, что за него попросил Валера. Когда в столовой у сына психологини старшие забрали тарелку с кашей и посоветовали «проработать травму с мамочкой», Антон заступился – отдал свою тарелку Валере, а старшим сказал, что он уже все проработал и сейчас кому-нибудь воткнет в руку вилку. Старшие кивнули и отступили – все знали, что от психологини чего угодно можно ожидать, чудная дамочка. Фиг знает, что посоветует сделать. С тех пор и Антон, и Валера стали жить спокойно. Антона перестали задирать и унижать, а Валера больше не доставлял проблем. В пятом классе он исчез – говорили, перешел в другую школу. Полина Игоревна тоже уволилась. Пошла преподавать в школу сына, чтобы тот был под приглядом. Антону было жаль терять пусть не друга, но все же приятеля. Человека, который был чем-то на него похож – считался странным.

В старшей школе стало полегче – учеников распределили по направлениям, и отличник Антон попал в класс, считавшийся лучшим. Один из тридцати бывших однокашников. Это было настоящим счастьем. Его больше не дразнили, не срывали очки и не заставляли бегать по классу, чтобы их вернуть. Не вытаскивали его тетради из рюкзака, чтобы списать домашку. Не рвали контурные карты, которые Антон рисовал как настоящие, удивительным образом передавая рельеф местности. Классной руководительницей стала строгая математичка Вера Ивановна, которая категорически не поддерживала идею, согласно которой дети послабее, обучающиеся с сильными, тоже начинают учиться лучше. Вера Ивановна была заслуженным учителем и с ее мнением считались – в класс она взяла только сильных, мотивированных учеников. Антон наконец мог делать то, что всегда хотел, – учиться, не отвлекаясь на одноклассников, не умирая от скуки на уроках. Почувствовав, что его ценят и уважают за знания, стал увереннее в себе.

Но посещение младшей школы для него до сих пор оставалось испытанием, которое надо было преодолеть. Ради Юльки, ради Юльки...

– Юльку? Ударили? Ха! – Дядя Коля не просто рассмеялся, а начал хохотать. – Да она так отметелила сегодня Глеба, что на него было жалко смотреть. Представляешь? Юлька на две головы ниже его. Он же здоровенный, как кабан, а она тощая, но верткая, зараза. Кулак да, разбила. О его глаз! Фингал залепила зачетный. Глеб даже не понял, как получил. Слушай, ей бы в секцию, скажи родителям. Талант у девки пропадает. Да и всем на пользу. Пусть дерется на тренировках, пар выпускает. Она боец и ничего ведь не боится! – Дядя Коля говорил с восхищением, за что Антон был ему благодарен.

– Маму опять в школу вызовут? – спросил Антон, зная, что для нее это станет ударом. Из-за Юльки маму часто вызывали к завучу младшей школы, но после вызовов ей становилось плохо – чуть ли не в обморок по дороге падала. И тошнило до рвоты. От волнения. Антон очень жалел маму и понимал ее как никто. У него точно так же кружилась голова и подступала тошнота, когда он волновался. Перед контрольными, школьными мероприятиями. Для одних – пустяк, для других – паническая атака. Но у детей не могло быть панических атак, так что это считалось обычным волнением, с которым требовалось справляться самостоятельно. Мама

же отговаривалась упавшим давлением или приступом мигрени. Хотя это был просто страх, банальный, пожирающий изнутри. Мама, как и Антон, не переносила, когда на нее кричали или в чем-то обвиняли, пусть даже не повышая голос. Тем более в том, в чем не считала себя виноватой. Отец повышал голос на маму, та плакала и молчала. Папа считал, что она плохо воспитывает детей и вообще все делает плохо.

Когда у Антона начала идти носом кровь на каждом уроке физкультуры, это тоже считалось «нормальным». У всех так. Засунь в нос вату и жди, когда пройдет. Кого-то забирали родители, но его – нет, никогда. Только поэтому его сажали на лавочку. Учитель физры Андрей Саныч и школьная медсестра знали, что Антона никто не заберет. Мальчик умолял их не звонить родителям – отец на работе, его нельзя отвлекать, а мама начнет переживать, и ей станет плохо. Антон так упрашивал, что и физрук, и медсестра махнули рукой. Андрей Саныч даже зауважал – молодец парень, о матери беспокоится, сидит терпит. Другой бы уже давно домой свинтил, тем более предлог уважительный. Медсестра переживала – они обязаны ставить родителей в известность. А если вдруг что? С кого будут спрашивать? С нее? Она разговаривала с классным руководителем, с завучем, но те сказали, что Антон – мальчик сложный, если что-то решил, так и будет. Спорить бесполезно.

Антон, сидя на гимнастической лавочке с воткнутыми в нос ватными тампонами, разбирал шахматные задачи. Он увлекся шахматами, прилично играл и побеждал на окружных турнирах, за что физрук ставил ему пятерки. Фотографию Антона Андрей Саныч повесил в коридоре перед входом в спортзал среди других призеров турниров – по волейболу, баскетболу, футболу. Антон очень гордился этой фотографией. Хотел показать ее отцу, но так и не решился. Да и представить, что отец появится в школе, не мог, как ни пытался. Даже в самых смелых фантазиях. Впрочем, Антону было очень приятно и лестно, что его хвалит Андрей Саныч и всем ученикам напоминает, что побеждать можно мозгами, ставя в пример Антона. Андрей Саныч, надо признать, искренне восхищался своим учеником.

– Ну как ты это делаешь? – Он замороженно смотрел на шахматную доску, по которой Антон двигал фигуры, играя сам с собой.

– Хотите научу? – предложил Антон.

Спустя два «урока» стало понятно, что физрук – не по части шахмат. Но он не обиделся, а еще больше восхитился, разрешая Антону не бегать кроссы, не подтягиваться, а решать шахматные задачи.

Антон, видя отношение Андрея Саныча, не понимал, почему отец не одобряет его увлечения. Да, не запрещал, но не приветствовал.

– Пап, может, в шашки сыграем? – предложил как-то Антон. Он научил играть в шашки физрука и тому понравилось. Даже на переменах ловил Антона, чтобы сыграть партию. Когда Антон поддавался, давая физруку возможность выиграть, тот был счастлив.

– Не могу, давай в другой раз, – неизменно отвечал отец. Антон знал, что он точно умеет играть в шашки – сам рассказывал, как в детстве посылал в редакцию газеты «Пионерская правда» решенные этюды – там публиковались шашечные задачи – и ждал ответа. Но ни разу не дождался.

Шахматы, с точки зрения отца, не были спортом. Он считал их чем-то вроде игры в преферанс. Более интеллектуальное развлечение, чем обычное «в дурака» или «в подкидного», но все же развлечение, а не спорт. Антон не пытался переубедить отца.

Только с мамой Антон мог играть в шахматы. Мама всегда проигрывала, но ему нравилось ее учить. Она очень старалась понять дебюты, пыталась решать простенькие комбинации для новичков и смешно высовывала язык от старания. Отец же считал, что спорт – это хоккей, футбол, баскетбол, лыжи, коньки, наконец. Но Антон так и не смог научиться кататься «задом» и после выхода на каток обязательно заболел. Юлька же, в отличие от брата, прекрасно стояла на коньках, очень хотела играть в футбол и хоккей, причем играла лучше многих мальчишек,

но отец говорил, что эти виды спорта не для девочек. Как если бы мужики занимались художественной гимнастикой или синхронным плаванием. Юльку поддерживал все тот же Андрей Саныч, ставя ее в команду к мальчикам – она любого могла обвести, влупить мячом по воротам так, что ни один вратарь не брал, и сделать такой подкат, что судьи разводили руками – все по правилам. Юлькин портрет тоже висел в коридоре перед спортзалом. Андрей Саныч искренне восхищался братом и сестрой – один умный, другая – бомба. Хоть куда ставь, в любую команду, – выиграет. Юлька билась до последнего. Антон нет. Он, если видел, что противнику победа нужнее, важнее, специально проигрывал, поддавался. Не был амбициозным, не считал, что победу нужно добывать любой ценой. Антон предпочитал выйти на ничью или отложить партию, чтобы дать возможность противнику собраться с мыслями. Юлька же всегда шла до конца. Ей было важно победить здесь и сейчас.

По вечерам она натягивала боксерские перчатки Антона и мутузила по груше, которую отец повесил в комнате сына. Антон ни разу по груше не ударил. Неудивительно, что Юлька отправила в нокаут Глеба. Странно, что тот вообще с ней связался. С этой девчонкой даже старшеклассники старались не сталкиваться в коридоре. В их школе лестницы были разделены так, чтобы младшие не сталкивались со старшими, иначе случился бы затор. Только к Юльке это правило не относилось – она ходила там, где хотела и когда хотела. Бегала, прыгала через ступеньки, скатывалась по перилам. Когда ей делали замечание, она уверенно отвечала, что готовится к очередным соревнованиям. Андрей Саныч с готовностью подтверждал версию – да, мол, велел бегать, прыгать, чтобы набрать форму. И на очередных соревнованиях школа занимала призовое место. Юлькина заслуга.

– Не, не бойсь, не вызовут, – ответил дядя Коля, продолжая хохотать. – Это ж позор для Глеба. Его девчонка раскатала под ноль. Он молчит как партизан. Сказал, на физре мячом прилетело. Ну и представь пятиклассника Глеба и третьеклашку Юльку – кто поверит, что она ему наваляла? Иди, она в раздевалке тебя ждет.

Антон пошел к раздевалке, где пережил не самые счастливые моменты своей школьной жизни. На каждой ноге будто по гире висело. В той раздевалке ему перепрыгивали обувь, срывали с вешалки куртку и засовывали под скамейку. В той же раздевалке однажды побили. Не сильно, но обидно и больно.

Юлька сидела на скамейке и делала домашку.

– Ты пришел! – подскочила она. – Тебе удалось пройти мимо дяди Коли!

Младшая сестра смотрела на него как на героя, который только что победил дракона. В ее глазах он выглядел рыцарем, принцем, богатырем и всеми прочими героями, вместе взятыми. Хотя он таким никогда и близко не был. Антон зажмурился, опять подступила тошнота, и в груди появилась какая-то тяжесть. Будто вдохнуть не можешь. Юлька сидела с перемотанным кое-как запястьем и разбитой губой. Растрепанная как черт.

– Что случилось? – спросил Антон. – Больно?

– Да не, норм. Вот ему точно больно! – радостно объявила Юлька. – Маму вызовут?

– Дядя Коля сказал, что нет. Глебу стыдно. Ему наваляла девчонка, – повторил Антон слова охранника.

– Ха, я ему не просто наваляла. Представляешь, он даже уворачиваться не умеет. Здоровый, а мозгов нет! – Юлька подскочила и показала, как врезала Глебу.

– За что ты его? Дразнил? Издевался? – спросил Антон.

– Да дурак он, – отмахнулась Юлька.

– Что сказал?

– Что я ущербная, – ответила спокойно Юлька, – но я ему сказала, что у меня есть старший брат и в следующий раз он ему так наваляет, что вообще!

– Правильно. Но давай попробуем без следующего раза, – ответил Антон, надеясь, что ему не придется бить младшеклассника. Да и вообще никого не придется бить. Никогда в жизни. Он не смог бы ударить. Никогда. Никого. Даже в ответ. Он – не Юлька, которая тут же кидалась в драку. Он не умел, как она. И в том, что произошло в их семье, винил себя. Юлька еще маленькая, не понимает. Он понимает. Но никто не запретит ему видиться с сестрой. Никакая сила в мире.

– Придешь завтра, да? Пожалуйста! Приходи завтра! – Юлька скакала вокруг него как обезьянка. – А помоги решить эту задачку! Можно я тебе вечером позвоню, да? Проверишь у меня математику?

Они тайно созванивались вечером по видеосвязи. Антон проверял домашку сестры, иногда они просто болтали. Предварительно списывались – когда созваниваемся. Юльке было проще выбрать время. Мама ее телефон не проверяла и не контролировала общение. Наверняка знала, что дети разговаривают, чему, конечно же, как считал Антон, радовалась. Он же после созвонов и переписок с сестрой стирал все. На всякий случай. Не хотел, чтобы отец узнал. Не мог предсказать его реакцию. Вдруг он будет против и запретит...

– Да, вечером созвонимся, – кивнул Антон. – Смотри, это очень просто решается. Задача на время.

Антон объяснял сестре, как решать задачи на время. Юлька толком не слушала, рассказывая про школьную жизнь.

– Как мама? – Антон задал вопрос, который мучил его все время.

Юлька, скакавшая по раздевалке, замерла на месте.

– Лежит, плачет. Разговаривала с бабушкой. Опять плакала. Хочет меня к ней на лето отправить. Я не хочу к бабушке. Она злая. Все время говорит маме, что она во всем виновата. А как папа?

– Как всегда. Хочет на лето отправить меня в какой-нибудь спортивный лагерь. Считает хлюпиком и задохликом. Ничего нового.

– Вот бы меня в такой лагерь... – завистливо заметила Юлька.

– Да, ты бы там всех уделала, – рассмеялся Антон.

– Ты правда так думаешь? – спросила сестра, хотя не сомневалась в ответе.

– Конечно! Если ты уделала Глеба, то что тебе такие хлюпики, как я?

– Ты не хлюпик. Ты добрый и очень умный. Ты – гений! – Юлька обняла его и стиснула.

Антон опять начал задыхаться – то ли от счастья, то ли от боли.

Ему было пять лет, когда родилась Юлька. Мама «уехала за сестренкой», как объяснила она, и он впервые остался с отцом один на один. На неделю, а не на три дня, как обещала ему мама. До этого он всегда был с ней – на отдыхе, на прогулках. Мама его будила по утрам и укладывала по вечерам. Отца Антон видел редко и старался сократить общение насколько это возможно. Потому что папу он боялся. Не понимал почему, но мама тоже боялась папу – Антон это чувствовал. Она всегда вздрагивала, когда он открывал дверь, становилась другой, когда они вместе ужинали. Если Антон хотел что-то рассказать папе, мама останавливала его взглядом: «Не надо». Или обрывала: «Папа устал, завтра расскажешь». Назавтра Антон не помнил, что хотел рассказать. Папа никогда не приходил к нему на утренники в детском саду, да и не отводил туда никогда. Если мама заболела или плохо себя чувствовала, Антон тоже оставался дома, чему был только рад. Он мог играть в пиратов и рыцарей, собирать пазлы и конструкторы. Мог сидеть в своей комнате сколько угодно, и его никто не трогал. Если хотел есть, можно было пойти и взять что хочешь в холодильнике. Никто не заставлял его доедать суп. Однажды он сказал:

– Мама, как хорошо, когда ты болеешь!

Она не ответила, только отвернулась к стене.

А тут целую неделю с отцом. Антон не знал, как себя вести. Папа рано вставал, поднимал Антона, готовил завтрак.

– Я не хочу есть, – бурчал мальчик.

– Я тебя не спрашивал, хочешь ты или нет, – отвечал отец. – Но это твой выбор. Завтрака не будет.

В тот раз Антон просидел голодным до обеда. Живот урчал, но он боялся зайти на кухню и взять что-то из еды. После этого понял, что проще соглашаться на ранний подъем. Покорно плелся на кухню и ел яичницу. Каждый день яичницу разной степени горелости. И бутерброд с колбасой. Отец делал два – себе и ему. Антон не любил бутерброды. Точнее, не любил масло, а отец намазывал на хлеб толстым слоем. Если Антон не съедал бутерброд, отец говорил: «Съешь на ужин». И это было все, что полагалось ему вечером. Мама знала, что Антон не любит масло, сметану, кефир. Отец же, сварив борщ, щедро выкладывал сверху сметану. Антон не мог проглотить ни ложки, хотя борщ без сметаны любил. Так он оставался без обеда, но отца это мало волновало. Он вообще не знал, что Антон любит есть, пить, во что любит играть. Мама знала все. Что Антон, например, любит сырники, но без сметаны, а со стученкой или сахаром. А омлет без помидоров. Отец поливал сырники сметаной, а омлет готовил исключительно с помидорами. Антон соскребал сметану, выковыривал помидоры, отец злился. Говорил, что он избалованный, невоспитанный и в этом виновата мама. За ту неделю без мамы Антон похудел, осунулся. Он мог бы зайти на кухню, взять йогурт или сыр, но не решался.

Антону нравилось, когда мама читала ему по вечерам, забираясь в его кровать. Отец просто выключал свет и говорил: «Спать». Мама всегда целовала на ночь, отец, увидев это однажды, запретил, сказал:

– Он уже не маленький.

Поэтому Антон радовался, когда папа задерживался на работе. Тогда мама могла читать ему книжку, целовать на ночь хоть сто раз и желать спокойной ночи.

Антон засыпал с игрушками – большим белым медведем и маленьким медвежонком. Он просил маму поцеловать и медведя, и медвежонка. Мама целовала игрушки, потом снова Антона, потом опять игрушки. Антон брал игрушки и целовал маму. Это была их игра. Вечерний ритуал, который следовало держать в секрете. Если бы папа узнал, что мама целует игрушки или что игрушки целуют маму, он бы возмутился и запретил. Так ему говорила мама.

Когда они остались одни, папа удивился, что на кровати сидят мягкие игрушки. Но не выбросил, а пересадил их на пол. Антон дождался, когда отец уйдет, и вернул медведей в кровать. Всю ночь он не спал, боясь, что не успеет переложить игрушки с кровати на пол и папа увидит, что он спал с медведями. Конечно, уснул, но утром папа на медведей не обратил внимания.

– У тебя родилась сестра, – сказал он, разбудив Антона.

– Я знаю, – ответил тот. Мама говорила ему, что у него будет сестренка. – Когда мама вернется?

Папа ответил, что мама слабая, больная, поэтому она еще не дома, а в роддоме. И наверняка с ребенком опять проблемы. Папа, как показалось Антону, говорил с раздражением. Антон испытывал тревогу, смешанную с жалостью к себе и к маме. А еще он понял, что папа считает его больным. Если «опять», значит, и с ним были проблемы?

Мама вернулась из роддома бледная, едва могла стоять на ногах. Антон выглядел не лучше, но ему стало за нее так страшно, и за себя тоже, что он свалился с тяжелым гриппом. Пришлось вызывать на помощь бабушку, хотя мама очень не хотела этого делать.

Бабушка не была злой, как считала Юлька. Просто она заняла сторону зятя и во всем с ним соглашалась. Поэтому отчитывала свою дочь с утра до вечера – за грязные полы, за то, что сама выглядит ужасно, что забыла про мужа, не приготовила еду. Претензии не кончались – не так погуляла с дочкой, да и коляску не такую купила, не так искупала, не так покормила.

Антон пролежал две недели с температурой. Ничего не помнил, кроме холодных, просто ледяных, рук мамы у себя на лбу. И только они снимали жар. Антону становилось хорошо и спокойно, когда мама была рядом. Она, почувствовав, что тоже заболевает, перебралась в его комнату, перетаскала туда детскую кроватку, и они жили втроем в одной комнате. Бабушка возмущалась, обвиняла дочь в неразумности – сами заболели, еще и младенца подвергают опасности, но мама сказала, что она боится заразить мужа. Аргумент подействовал, хотя Антон чувствовал, что мама обманывает бабушку: она не боялась заразить папу, просто не хотела быть рядом с ним. Да и он тоже. Бабушка приносила еду в комнату на большом подносе, и Антон с мамой ели из одной тарелки. Это было счастьем. Потом мама прокрадывалась на кухню и приносила вкусности – йогурты, сырки, конфеты, вафли. Вместе они искали места, где можно спрятать припасы. Смеялись. Антон выздоравливал не благодаря лекарствам, а потому, что был с мамой. Он видел, как мама кормит Юльку, как та сосет грудь. Помогал подержать, чтобы малышка срыгнула. Юлька ему понравилась сразу же. Она была маленькая, но крикливая. Если хотела есть или описалась, не плакала, а кричала. И всегда по поводу, не просто так. А еще она умела крепко хватать за палец и не отпускать. Антону нравилось, когда сестра держала его за палец. Она лежала в кроватке, Антон играл в самолетики, кружа над ее кроваткой. Юлька замороженно смотрела.

Антон уже выздоровел, но мама говорила бабушке и папе, что он еще кашляет по ночам и немного сопливится. Антон старательно кашлял и хлюпал носом, подтверждая мамины слова. Мама же по вечерам и даже днем вытаскивала Юльку из кроватки, укладывала между собой и Антоном и читала ему книги. Девочка смешно ворочалась и сопела. Антон был счастлив. Он готов был болеть сколько угодно, лишь бы они так и жили втроем.

Но потом что-то случилось. Антон не понимал, что именно, но чувствовал – плохое, очень плохое. Мама плакала, бабушка ее все время ругала. Отец несколько раз кричал на маму – Антон слышал. А потом заметил, что мама стала кормить Юльку из бутылочки. Но смотрела не на Юльку, как раньше, а в стену или в окно. Даже когда та доедала, мама не сразу это замечала. Иногда забывала положить ее на плечо и постучать по спинке, чтобы вышел лишний воздух. И тогда Юлька срыгивала смесь на пеленку.

– Почему она ест из бутылки? – спросил наконец Антон.

– Потому что у меня плохое молоко. И его мало. Ей не хватает, – ответила мама.

Антон слышал, что бабушка говорила словами и тоном папы – мама больная, поэтому у нее плохое молоко. Что она за мать такая, раз грудью кормить ребенка не может. У всех молоко есть, а у нее – кот наплакал.

– Мам, ты не виновата, – сказал Антон, резко повзрослевший с рождением сестры. – Это Юлька такая.

– Нет, виновата, я не могу ее кормить, – расплакалась мама.

– Юлька просто очень прожорливая, – заявил Антон.

Это было еще одним счастьем – мама улыбнулась. Впервые за долгое время. После этого Антон старался ее смешить. Пародировал бабушку, очень удачно, надо признать. Мама смеялась, но потом снова плакала.

– Нельзя так шутить. Перестань. Это твоя бабушка, – просила она.

– Почему она тебя не поддерживает – она же твоя мама, а не папина? – спросил однажды Антон.

– Потому что боится, это все от страха, – ответила мама.

– Потому что папа может на нее накричать, как на тебя? – уточнил Антон.

– Нет, просто папа зарабатывает деньги, на которые мы живем. Поэтому мы все от него зависим.

– Я вырасту и буду зарабатывать. Тогда ты не будешь зависеть от папы, – объявил Антон, надеясь успокоить маму. Но она опять расплакалась.

– Если ты все время будешь плакать, Юлька станет пересоленной. Ты ее уже всю проследила, – сказал Антон серьезно, но мама вдруг улыбнулась. Притянула его к себе и поцеловала. – Ты мой хороший, самый лучший сын на свете! Спасибо тебе! – сказала она.

Антон не понял, за что мама его благодарит, и не был рад похвале. Ему стало больно и тоже захотелось заплакать.

– Хочешь ее покормить? – вдруг предложила мама. – Держи.

Мама положила ему на руки Юльку и выдала бутылочку. Антон держал сестру, боясь уронить. Аж руки затекли. Юлька быстро высосала содержимое бутылочки.

– Даже я так быстро пить не умею, – восхитился Антон.

– Да, она другая, сильная, – заметила мама.

– Значит, я слабый? Папа считает меня больным? – спросил Антон.

– Нет, ты не слабый. Ты тоже другой. Больше на меня похож. А Юлька – на отца. Так бывает, – ответила мама. – Но для нее ты всегда будешь самым сильным, самым умным, самым лучшим старшим братом. Если сам этого захочешь, конечно.

– А кто для нее важнее – я, ты или папа?

– Думаю, что ты. Мне бы хотелось на это надеяться. Мы с папой... по-разному бывает в жизни. Но вы всегда должны быть вместе. Защити ее.

– Конечно, защиту! – пообещал Антон.

Сейчас он понимал, что мама с папой развелись не вдруг. Еще тогда, после рождения сестры, все в их семье пошло не так. Мама пыталась сохранить их мир. Не ради себя – ради них, детей.

Сестрой Антон восхищался. Она скатывалась с самых страшных горок на детских площадках, лупила в детском саду всех, кто пытался отобрать у нее игрушку, не слушалась бабушку, даже если та отправляла ее в угол в качестве наказания. Но самое главное – Юлька не боялась папу, нисколько. Отец мог говорить строго, кричать, она только хмыкала и делала по-своему. Точнее, Юлька вообще никого и ничего не боялась. Она закатывала истерики, валяясь на полу и стуча ногами, добиваясь своего. Могла ударить по ноге воспитательницу, если та делала ей несправедливое замечание, и залупить лопаткой по голове обидчика. Но, оставаясь наедине с мамой или с Антоном, эта хулиганка и драчунья, на которую все жаловались, тут же превращалась в нежный цветочек. Ластилась к маме, обнимала брата. Позволяла себя целовать, щекотать и гладить. Они втроем, когда папа был в командировке или задерживался на работе, укладывались на узкой кровати Антона. Юлька пихалась ногами, натягивала на себя одеяло, хохотала. Мама читала вслух книжку. Любую. Иногда сказки для Юльки, иногда что-то по школьной программе для Антона. Он умирал от счастья. По утрам Юлька всех будила, скача на кровати. Мама и Антон могли проспать до одиннадцати, Юлька же подсакивала в семь, неизменно бодрая и готовая к подвигам. Мама, заспанная, шла на кухню и предлагала Юльке помешать тесто на блинчики или оладьи. Потом они выкладывали из колбасы или огурцов рожицы. Сестра предпочитала монстров, чем страшнее – тем лучше. Солнышки и цветочки ее вообще не интересовали. Потом она изображала этих самых монстров, держа блин на уровне лица...

Если Антон и мог припомнить счастливые моменты, то это были они. А потом все изменилось. Он винил в произошедшем маму, себя, бабушку, папу. Но никогда – Юльку. Он хотел ее защитить, но не знал как. Какой из него защитник, если он маму не может успокоить? Поговорить было не с кем. Бабушка все еще считала, что во всем виновата мама.

Антон сидел в школьной столовой и смотрел на бутерброд с колбасой, который сделал ему отец. С маслом, естественно.

– Будешь? – К нему подседа Настя из гуманитарного класса – чересчур высокая для своего возраста девочка. Антон знал, что у Насти аллергия практически на все, поэтому она ходила

с отдельной сумкой, где помещался не только ланч-бокс с многочисленными отделениями, но и контейнер для супа плюс термос для компота. За Настиним питанием тщательно следила мама и давала ей на обед такое количество еды, будто Настя должна была провести в школе дня три, а не шесть уроков. Настя часто подкармливала Антона, за что он был ей благодарен. Они всегда ели молча. В младшей школе Насте тоже приходилось нелегко – выше всех сверстников, то задыхается, то чешется, то насморк и глаза слезятся от аллергии. При этом круглая отличница. Но в старшей школе, где детей разделили по направлениям, Насте стало легче. В гуманитарном классе странностей у всех хватало. Так что она наконец могла спокойно носить в школу домашнюю еду, не страдая от насмешек одноклассников.

Антон отдал Насте свой бутерброд – она обожала колбасу, которую ей было, конечно же, нельзя. Настя с облегчением положила на тарелку Антона котлету из своего контейнера. Настина мама готовила очень вкусные котлеты. Антон откусил и едва смог прожевать. Котлета стала чересчур соленой. От слез, которые он почувствовал в носу, во рту. Не хватало еще расплакаться в столовке. Настя бы его поняла, но остальные...

– Привет, – к ним подсел Милан. Отец Милана был сербом, мама – русская, давшая сыну традиционное славянское имя. Только не учла, что в России вдруг пришла мода на женское имя Милана, и в каждом классе обязательно обнаруживалась девочка, которую так звали. Отчего-то мальчик Женя и девочка Женя, мальчик Саша и девочка Саша никого не смущали, а Милану доставалось по полной. Его дразнили за девчачье имя. Вероятно, поэтому он подружился с Настей и Антоном. Милан не особо тянул математику, с геометрией вообще был полный провал, но он был добрым парнем и трудягой, что Антона восхищало. Он бы так не смог – все учить, готовиться ко всем тестам, и лишь поэтому держаться в сильном классе.

– Привет, – ответил Антон.

– Какие новости? – спросил Милан.

– Мы с сестрой теперь живем отдельно, – вдруг ни с того ни с сего признался Антон. Хотя поклялся самому себе никому не рассказывать о семейных проблемах.

– Родители развелись. – Милан не спрашивал, а констатировал.

Антон кивнул и опять пытался справиться с подступающими слезами. Настя дала ему сушку и половину яблока из своего ланч-бокса, казавшегося бездонным.

– Да, – кивнул Антон, откусывая яблоко. – И нас поделили. Пополам.

Милан и Настя молчали.

– Ты поэтому в младшую школу бегаешь? – тихо спросила Настя, нарушая сложившуюся традицию есть молча.

– Да. Юлька... она особо не понимает. Говорит, что скучает по мне. Она сильная. У нее есть характер. Вчера отлупила пятиклассника.

Антон не знал, почему из него вдруг льются слова. Милан даже не был его близким другом, да и с Настей они никогда не откровенничали.

Антон взахлеб рассказывал, что Юлька досталась маме, а он – отцу. Их разделили по гендерному признаку. Хотя он – девчонка по характеру и ближе маме, а Юлька – хулиганье. Дерется, дерзит. Отец хочет его на лето в какой-то тренировочный лагерь отправить, а он там сдохнет в первый же день. Юлька же только об этом лагере и мечтает. Теперь они тайно созваниваются по вечерам. Антон помогает сестре с домашкой. Родители решили, что они не должны общаться, чтобы побыстрее привыкнуть к разлуке.

– Это отец решил, – опять не спросил, а констатировал Милан.

– Да. Скорее всего, – кивнул Антон. – Мама слишком добрая. Она не умеет бороться. Как и я. И папа дает ей деньги на Юльку. Поэтому она соглашается. Но ведь это я виноват! Я ведь живу с отцом! Почему не могу ему сказать, что хочу видаться с Юлькой, что хочу жить с мамой, не с ним? Значит, я слабак! А Юлька сильная. Она отца никогда не боялась, а во мне видит

героя, когда я мимо охранника дяди Коли прохожу. Да он сам меня пропускает. Получается, я не защитил Юльку, как обещал маме. Отец считает меня больным и хлюпиком. Так и есть.

– А пригласи меня в кафе, – вдруг предложила Настя.

– Чего? – опешил Антон. Даже у Милана челюсть отвисла.

– Твой отец, судя по всему, brutальный мужчина. Есть такой тип. Ему нужно, чтобы ты вел себя... соответствующе. Если ты ему скажешь, что пригласил девочку в кафе и поэтому задержишься, он точно тебе разрешит, – начала объяснять план Настя. – А Милан будет вторым поклонником. И ты вроде как будешь меня отбивать. Тогда твой отец решит, что ты нормальный. С девушкой встречаешься, у другого парня ее отбиваешь. То есть соответствуешь его представлениям о том, каким должен быть настоящий мужчина.

– И что? – все еще не понимал Антон.

– А то, что один раз мы ему попадемся на глаза, а потом ты сможешь проводить это время с Юлькой. Мама же не будет возражать? У вас появятся два лишних часа, – воскликнула Настя.

– Я согласен, – тут же поддержал Настю Милан.

– Не, плохой план. Папа не поверит. Он считает, что я настолько ущербный, что на меня ни одна девочка не посмотрит и уж тем более не захочет встречаться, – признался Антон.

– Ну, знаешь, я тоже не королева красоты, – пожалала плечами Настя, – моя мама думает, что у меня тоже никогда не появится мальчика. Я ведь очкастая дылда. Да еще и с аллергией. Опять руки расчесала до крови. – Настя показала расчесанные, покрытые коркой запястья. – Так что мы вполне друг другу подходим.

– Ты красивая, – признался вдруг Милан. – Я хотел бы тебя отбить у Антона.

Настя покраснела. Ей тоже нравился Милан. И когда он подошел и сел за их стол, она чуть с ума не сошла от волнения. Даже не смогла поесть. Хорошо, что Антон съел содержимое ее ланч-бокса, не замечая, что ест. Иначе бы мама опять начала нервничать. Она всегда проверяла ее ланч-бокс и радовалась, что дочь «хотя бы попыталась поесть». Как правило, Настя еду в себя впихивала, борясь с рвотными приступами. Не потому, что боялась поправиться. Просто, сколько себя помнила, никогда не хотела есть, не было аппетита. Как и чувства голода. Врачи, к которым мама таскала ее с решимостью маньяка, говорили, что дело в голове. Мол, у Насти пубертат, она слишком быстро растет, плюс влияние соцсетей и так далее. Но Настя не могла признаться маме, что врачи ничего не понимают. Ей просто не хотелось есть. Никогда. Разве что бутерброд с колбасой, который выдавал ей Антон. И с маслом. Или еще что-нибудь гадкое, с точки зрения мамы, и потому запрещенное: булку с сосиской, мини-пиццу, которую Антон покупал в школьном буфете и не ел, отдавая ей. А она ему гречку, рис, без соли и масла, котлеты, приготовленные на пару, – домашнюю еду, по которой он так скучал. Она знала, что отец Антона дает ему деньги, чтобы он мог заказать еду на ужин, и оплачивает завтраки и обеды в школьной столовой. А Настя мечтала съесть в кафе десерт и выпить кофе. Все девочки в их классе уже пили кофе, кроме нее. Мама даже соки ей не разрешала, наливая в термос сваренный компот, всегда разный – то ягодный, то из сухофруктов, то из яблок.

– Ладно, давай попробуем, – согласился Антон. – Завтра?

– Нет, лучше сегодня, поставь отца перед фактом. Будто я вдруг согласилась на свидание. Так будет правдоподобнее, – предложила Настя. – И у меня сегодня нет музыкалки. Завтра не смогу. Сольфеджио. Мама заставляет окончить музыкалку, а у меня уже сил нет. Ненавижу. Как только получу диплом, разобью пианино. А еще художка. Но там мне нравится. Не успеваю рисовать из-за музыкалки. Мама твердит, что она так же училась, совмещая танцы с хором, и все с красным дипломом окончила.

– Не надо, не разбивай. Вдруг ты будешь играть своим детям? Мне бы хотелось, чтобы мама играла мне колыбельные или детские песенки. Когда Юлька была маленькая, я замучился включать ей мобиль над кроваткой и диски, – заметил Антон.

– Маму раздражает моя программа. Я говорю, что могу играть в наушниках, чтобы не было слышно. Но она хочет меня контролировать, – призналась Настя. – Никак не поймет, почему я не могу сыграть без ошибок сразу. Начинает беситься.

– Так, музыканты, что делаем сегодня? – вмешался в разговор Милан, возвращая их к реальным проблемам. – Мы еще действуем по плану?

Все оказалось так, как предсказала Настя. Антон позвонил папе и, волнуясь, что не потребовалось изображать, сообщил, что после школы пригласил девушку в кафе. Поэтому задержится. Отец не возражал. На карту поступил денежный перевод. «На девушку», – написал отец.

Антон давно экономил отцовские деньги. Для него отец ничего не жалел, а вот от его матери раз в месяц требовал все чеки, включая продуктовые. Раскладывал на столе и подсчитывал. Антон это видел. Если мама просила что-то сверх оговоренной суммы, отец обещал подумать, но почти всегда отказывал.

– Почему ты не хочешь дать им больше? – спросил однажды Антон.

– Пусть скажет спасибо, что не алименты. Я даю больше, чем требуется! – рявкнул отец. – Вырастешь – поймешь.

Но Антон знал: даже когда вырастет, не поймет. Никогда. На сэкономленные деньги он купил Юльке телефон, смарт-часы, чтобы иметь возможность всегда быть с ней на связи. Но откладывал на самое сокровенное – боксерскую грушу, перчатки и оплату секции для Юльки. У них до «разделения», как называл это Антон, была боксерская груша. Папа купил для него, чтобы Антон наконец научился давать отпор. Но Антон так ни разу по груше и не ударил. Теперь эта груша висела в его комнате неммым упреком. Юлька же мечтала пойти на бокс, в чем каждый раз признавалась Антону.

Антон попросил отца отдать грушу и перчатки Юльке, но тот даже не ответил. Что означало – тема закрыта насовсем.

– Ну пусть мама скажет, что ты хочешь заняться фигурным катанием или рисованием. Может, тогда папа согласится? А сама будешь ходить на бокс, – предложил сестре Антон.

– Нет, папа потребует видеоотчет, как я катаюсь на коньках или рисую. Ты же его знаешь. И врать нехорошо, вообще-то, – ответила Юлька.

Да, она росла честной и принципиальной. Если считала что-то несправедливым, готова была сражаться за правду до конца. В Антоне этой решимости и решительности не было вообще. Все досталось Юльке. Если сестра считала, что ей поставили оценку незаслуженно, ходила к учительнице и доказывала, что та ошиблась. Да и в кабинет завуча могла зайти без всякого страха. И, надо признать, добивалась своего. Юлька была бесстрашной, и этим ее качеством Антон всегда восхищался.

Он помнил, как однажды они заехали в кафе. Втроем – он, мама и Юлька, которой тогда было лет шесть. Что-то перепуталось, и им выдали не тот соус, который они заказывали.

– Сходи поменяй, – попросила мама Антона, зная, что острый соус никто есть не будет.

– Я могу и без соуса, – сказал Антон, который не мог себе представить, как подойдет и попросит исправить ошибку. Даже с чеком, в котором был указан нужный соус.

– Я схожу, – тут же подскочила Юлька и вернулась не с одним, а с тремя упаковками в качестве извинений.

Дело было не только в том, что она маленькая, но и в том, как она говорила – требовала сделать правильно.

Только Антон ее подвел. Не смог убедить отца оставить их вместе. Он знал, что эта вина будет преследовать его всю жизнь. Вина перед младшей сестрой, которую он должен был, но не смог защитить.

Когда они сидели в столовой с Настей и Миланом, он вдруг выложил им все, что накопилось. И про вину перед Юлькой тоже.

– Ты пытаешься, ты борешься, – заметила Настя.

– Да, – согласился Милан.

Их план сработал. Антон сидел с Настей в кафе – она настояла, чтобы они сели у окна, тогда их можно будет увидеть с дороги. Папа Антона про девушку, естественно, не поверил и приехал убедиться лично. И увидел то, что придумала Настя: его сын сидит с девушкой, вдруг появляется еще один мальчик, Антон встает, толкает мальчика в грудь. Тот уходит. Антон остается с девушкой.

Как Антон узнал, что отец за ним следил? Тот сам вечером об этом сказал. Мол, думал, что Антон придумывает, но теперь даже им гордится. Да, девушка так себе, конечно, не красавица, но надо же с чего-то начинать.

– Настя – не чего-то и не так себе, – огрызнулся Антон, что стало для отца лишним подтверждением – его сын влюбился, раз так вступается за избранницу. Значит, нормальный парень. Хлюпик, нытик, но хотя бы развивается по возрасту, девушками интересуется. Не совсем все плохо.

Но то, что началось потом, Антону совсем не нравилось. Отец решил, что сын достаточно взрослый для обсуждения деликатных тем, и стал советовать, как себя вести. Присылал внеплановый денежный перевод и сообщение: «Купи ей что-нибудь. Они любят подарки». «Они» звучало, как «проститутки», «шлюхи», «бабы», «девки»... Получается, отец именно так относился ко всем женщинам? Даже к матери своих детей?

Антон и вправду хотел купить для Насти какой-нибудь подарок, но не знал, что ей может понравиться. Он был очень благодарен ей и Милану за устроенный спектакль. Теперь он мог совершенно спокойно водить Юльку в кафе, покупать ей пирожное и два часа слушать ее истории про школу, про то, как она не может написать сочинение по картине, про боксерскую грушу, которую мама обещала подарить ей на день рождения. Антон в кафе объяснял сестре темы по математике, проверял, как она выучила стихотворение и неправильные глаголы по английскому. Антон каждый раз боялся, что отец снова проедет мимо, и водил Юльку не в то кафе с открытыми для обзора с дороги окнами, а в другое, затерявшееся в домах. Но Юлька мечтала пойти в то кафе, где сидели старшеклассники. И Антон однажды не смог отказать сестре. Или потерял бдительность. Или просто так сложились обстоятельства.

Отец случайно проезжал мимо и увидел за одним столиком Настю с тем мальчиком, которого его сын толкнул в грудь, а за соседним – Антона с Юлькой. Они так сидели не в первый раз. Настя сблизилась с Миланом. Они друг другу нравились. Антон был только рад за них. К тому же Настя отлично писала сочинения и иногда помогала Юльке.

Был страшный скандал. Отец кричал, что Антон его обманывал. Он решил, что в этом замешана бывшая жена. Ее идея. Антон клялся, что мама вообще ничего не знала, даже не подозревала, это только он. Объяснял, что Юльке нужна помощь с уроками, поэтому они встречались, иначе бы она сползла на тройки и двойки. Антон позвонил Насте по громкой связи, и та подтвердила, что помогала Юльке писать сочинения. Но отец решил по-своему. Он нанял трех репетиторов, сам их оплачивал и контролировал обучение дочери. Антон прибегал к сестре каждый день на большой перемене и видел, как она страдает: репетиторы просто звери, и она с ними не может заниматься, устала, а мама опять все время плачет, что тоже уже надоело. С Антоном могла заниматься, все понимала. А с репетиторами – отключается. Юлька опять избивала Глеба, маму вызвали уже не к завучу, а к директору и предупредили: если поведение ее дочери не изменится, из школы Юльку отчислят. Ведет себя плохо, дерется. Да, спортивные достижения есть, успеваемость пока хорошая, но этого недостаточно.

– Почему она ничего не может сделать? – рыдала от ярости в раздевалке младшей школы Юлька. – Почему мама все время плачет? Почему она не может поставить их на место?

Их – это не только учителей, но и себя в первую очередь.

– Мама – она не такая, как ты, – пытался объяснить Антон. – Она нежная, как цветок. Ей страшно, понимаешь?

– Не понимаю! Почему мне не страшно? – Юлька с остервенением рвала тетрадь по математике.

– Потому что ты другая, другой характер. Мне тоже страшно. Я понимаю маму. – Антон пытался говорить с сестрой как со взрослой.

– Она меня предала! Сидела и молчала! – кричала Юлька.

– Да, так бывает не только с детьми, но и со взрослыми. Они сидят и молчат, – попытался объяснить Антон.

– И ты тоже? – накинулась на него Юлька.

– Да, и я тоже. – Он хотел быть честен с сестрой.

– Тогда ты тоже предатель! – крикнула сестра. – Не приходи ко мне больше! Я скажу дяде Коле, чтобы он тебя не пускал!

В этом Антон не сомневался. Его сестра спокойно могла подойти к охраннику и попросить не пускать старшего брата.

– Надо потерпеть. Я что-нибудь придумаю, – попросил Антон.

– Ты ничего не можешь! – завопила Юлька. – Ты уже не смог! Ты остался с папой, а не я! Мама на все согласится, но она ничего не решает. Ты должен был убедить папу! Я бы смогла! Не сдалась бы.

Юлька расплакалась, как маленькая девочка – она и была маленькой девочкой. У Антона заболело в груди. Да, Юлька бы устроила голодовку, истерику, любой бунт, но добилась своего. Ей не были страшны никакие наказания. Но она осталась с мамой, с которой все это не требовалось. Мама бы на все согласилась. Все зависело от отца. Маме не хватило характера, силы воли и духа сопротивляться. Антон звонил сестре по вечерам, но она не отвечала. Он места себе не находил.

– Давай я ей напишу, – предложила Настя, за что Антон был ей благодарен до слез, которые опять чуть не начали литься в столовой, при всех.

Насте Юлька ответила. И через Настю Антон теперь мог общаться с сестрой. Каждый день он приходил в школу на большой перемене, после уроков, но Юлька не ждала его в раздевалке. Дядя Коля пожимал плечами.

– Ускакала. Не могу же я ее задерживать, – объяснял он Антону, на котором лица не было от горя.

Настя уговаривала Юльку простить брата.

– Потерпи, все пройдет. Девочки такие. Им нужно время, – успокаивала она Антона. Тот кивал, зная, что его сестре нужно в два, три раза больше времени, чтобы простить. Юлька долго помнила обиды и прощала тяжело.

– Она маленькая. Подрстет и поймет, что ты ничего не мог сделать. Ты ведь тоже ребенок, – убеждала Настя.

– Не хочу, чтобы мы стали чужими, – признался Антон. – Почему родители так с нами поступили? Разве можно – делить детей?

Настя пожала плечами. Значит, можно.

– Я накоплю и подарю Юльке боксерскую грушу, перчатки, кроссовки и абонемент в боксерский клуб. Тогда она меня простит, – объявил Антон то ли Насте, то ли самому себе. Теперь у него хотя бы появились цель и смысл жить.

Анна

«Это моя вина, только моя», – твердила себе Анна каждую ночь, каждое утро, день и вечер. Каждое утро она просыпалась по будильнику и заставляла себя встать. Не потому, что не выспалась, а потому что не спала вовсе. На таблетках удавалось заснуть на три-четыре часа – не больше. Остальное – дурная затягивающая дремота, из которой не выпростаться. Полусон и полуявь. Состояние – между. Анне казалось, что она застряла в нем, в этом «между», и ничего не может с этим сделать. Вроде бы брак, а вроде и нет. Вроде жизнь, а иногда кажется, что нет. Всегда будто смытая картинка перед глазами. Как у человека, забывшего надеть очки. Туман и муть, только контуры.

Анна все время была в таком состоянии и не знала, как попасть в реальный мир, обрести зрение. Каждое утро она заплетала Юльку, кормила ее яичницей, от которой дочь уже тошнило, отводила в школу. Возвращалась домой и снова ложилась в кровать. Перед обедом вставала, заходила в ближайший магазин, покупала уже готовый суп, котлеты, которые требовалось лишь разогреть, сырники, забирала Юльку из школы, кормила обедом и, оставив грязную посуду в раковине, шла в спальню. Анна знала, что бывший муж опять начнет на нее орать в конце месяца, когда увидит чеки из магазина. Конец месяца наступал так быстро, что она не успевала опомниться. Только недавно было первое число, будто только вчера она фотографировала чеки и отправляла бывшему мужу. И ждала звонка. Он звонил и кричал. Каждый раз. Так случится и в этот, ничего не изменится. «Что, сложно самой налепить котлет?» – будет вопить он. «Ты же знаешь, что я плохо готовлю. Юльке мои котлеты не нравятся», – ответит она. С этим он согласится. Ему нравится, когда она признается в собственной беспомощности, неумении пожарить обычные котлеты. Ему нравится, когда она считает себя никчемной.

Почему она вообще вышла за него замуж? Очень просто. Ей был двадцать один год. Только окончила колледж, потом курсы по делопроизводству и очень гордилась тем, что попала на работу в недавно открывшийся МФЦ. Будущий супруг пришел за какой-то справкой. Потом еще раз. Анна стояла, выдавая талончики гражданам. Новенькая, перепуганная, но старательная. Очень хотела быстро всему научиться. Не карьеристка, зависимая. Все время спрашивала, советовалась, боялась сказать что-то не то или выдать талончик не в то окно. Мужчина, выглядевший умным, достойным, уверенным в себе, обходительным и воспитанным, пришел еще раз – с цветами и приглашением на обед. Анна согласилась. Обед – это не ужин, так что ни к чему не обязывал, с ее точки зрения. Да и на обед, откровенно говоря, денег вечно не хватало, а есть хотелось. Анна родилась в Иванове, городе невест, и очень старалась избавиться от говора, который нет-нет да прорывался в речи. Она не считалась красавицей, но миловидность и привлекательность молодости этот недостаток вполне компенсировали. Жила она тогда вместе с тремя подругами в однокомнатной квартире в районе Перово. И подружки ей дружно посоветовали – соглашайся, даже не думай. Георгий, так звали мужчину, показался ей богатым и щедрым. Но на тот момент она была рада малому – цветам и обеду. Долгих ухаживаний не последовало. Замуж она вышла без оглядки на чувства и разум. Да и мама наконец успокоилась. Мол, все одноклассницы дочери уже повыскакивали замуж и нянчились с первенцами, только она все «перебирает». Анна не перебирала. Поклонник из МФЦ был первым, кто позвал ее замуж.

Она переехала к Георгию – именно так он просил его называть, только полным именем, никаких сокращений. Квартиру он снимал, но хорошую, двухкомнатную, показавшуюся Анне огромной. Свадьба, правда, была скромной, хотя Аня мечтала о платье, ресторане, подружках. Но Георгий оплатил проезд мамы из Иванова. Мама на церемонии плакала от счастья и все время твердила зятю: «Спасибо за дочку, спасибо, что женились на ней». Мама обращалась к Георгию на «вы», что ему очень льстило, это было видно. А мать будто специально подчер-

кивала социальное и материальное неравенство. Мол, такое счастье свалилось на голову ее дочери, причем незаслуженное, спасибо за это огромное. Разве что в ноги не кланялась. Обещала помогать, если потребуется, и не вмешиваться, если Георгий не попросит.

– Ее надо воспитывать под себя, – сказала она зятю, и тот кивнул.

Наверное, тогда все началось. Но Ане не хватило ни житейского опыта, ни мудрости, приходящей с годами, чтобы это понять.

– Постарайся родить побыстрее. Не затягивай с этим. После... этого... ноги подними и лежи. Тогда, может, получится побыстрее, – сказала мать Ане на прощанье.

Аня ничего не поняла про ноги, но промолчала. Мужа она не знала, не понимала, не чувствовала. До свадьбы он к ней не прикасался. Она его целовала, но видела, что ему это неприятно. Потом признался – целоваться не любит.

В первую брачную ночь Георгий явно был разочарован, но ничего ей не сказал. Он рассчитывал, что она окажется девственницей? Если бы спросил, ответила бы честно. Но он не спрашивал. Да и кого это волнует? Не девятнадцатый век, в конце концов. У Ани была школьная любовь – Толик. Весь одиннадцатый класс они встречались, причем роман был бурный. Все об этом знали. Он ушел в армию, она не обещала ждать и уехала в Москву учиться. Толик вернулся и тут же женился на их однокласснице Ленке, которая «сохла» по нему класса с восьмого. Ленка родила одного ребенка за другим. Толик бухал, гулял, Ленка терпела. Толик нанялся по контракту в армию и уехал воевать в горячую точку. Вернулся, опять забухал по черному и снова уехал туда, где требовались контрактники. Однажды по пьяни чуть не зарезал Ленку. По пьяни же наставлял пистолет на старшего сына. Обычная семья. Ленка гордилась мужем. У Ани, до которой доходили слухи о первой любви, была уже совсем другая жизнь. И возвращаться в Иваново она точно не собиралась.

Уже в Москве у нее случился недолгий роман, который не оставил никаких воспоминаний. Так что если Георгий и оказался раздосадован, подозревая жену в предшествовавшей их встрече бурной личной жизни, то тут он был не прав. Впрочем, назвать семейную жизнь счастливой Аня не могла бы даже с большой натяжкой. С мужем ей было не то чтобы плохо. Никак. Георгий не был с ней груб, но всегда будто отстранен. А чего она хотела, выходя замуж, не зная человека? «Скажи спасибо, что не маньяк какой-то», – говорили подружки по съемной квартире, к которым она сбегала втайне от супруга. Нет, не пожаловаться – посоветоваться. Но те восторгались новой сумочкой, приобретенной мужем. Или шубой, подаренной на свадьбу. Настоящей, норковой. Семейная жизнь текла скучно и предсказуемо. Георгий работал сутками, развивал свой бизнес. Аню он попросил уволиться, она должна была заниматься только домом. Она не была против, даже обрадовалась. Вдруг появились деньги, которые можно тратить на что захочется. Георгий требовал отчитываться о покупках, но никогда не возражал против трат.

Аня не держала ноги кверху, как советовала мать, но вскоре после свадьбы забеременела. Сын родился недоношенным, но врачи уверяли, что все будет хорошо. Наверное, после этого все пошло совсем не так, покатило под откос на сумасшедшей скорости. Хотя тот период Аня помнила плохо. Георгия она видела редко, он пропадал на работе. Аня спала, когда спал Антон, запустила дом, почти не готовила. Ей было достаточно куска хлеба и колбасы. Она не была зависима от еды, ее качества, вкуса. Да и не привыкла к изыскам. Есть не хочется – и ладно. Антошка постоянно плакал. Спросить совета было не у кого, поговорить тоже не с кем. За это время как-то само собой получилось, что она лишилась подруг и приятельниц. Георгию не нравилось, когда она уходила на свою бывшую квартиру. Коллеги были заняты делами. Муж не сидел над кроваткой сына, не пел ему колыбельные, не купал в ванночке и не бежал ночью в дежурную аптеку. Ане бы и в голову не пришло его об этом попросить. Георгий держал сына на руках, кажется, один раз – при выписке из роддома, когда сверток ему сунула в руки медсестра.

У Ани не было подруг с детьми, поэтому она не знала, как правильно, а как нет. В род-доме, конечно, наслушалась, как мужа и гуляют с колясками, и готовят, и кормят, и купают, и за прокладками в магазин бегают. Но мало ли что рассказывают? Глядя на собственного мужа, Аня в эти истории не верила. Тогда-то она и познакомилась с Наташей. Они столкнулись на прогулке в местном парке, точнее, лесополосе на две дорожки – одна вела к новому, только строящемуся кварталу, другая – назад. Наташа с мужем приехала в Москву из Минска. Ее супруг тоже пропал на работе, дети оказались ровесниками – женщины родили в один месяц, на этой почве и сдружились. Точнее, сошлись по необходимости. В местной поликлинике коляски требовали оставлять на входе, откуда их часто воровали. Так что мамочки несли дежурство – пока одна шла на прием, другая караулила коляски на улице. Так же было и в магазине: одна стояла на входе, другая быстро покупала необходимое. Педиатр в поликлинике очень нравилась Ане. Милая, всегда уставшая женщина. Добрая. Светлана Андреевна.

– Он плачет и плюет грудь, – жаловалась Аня врачу.

– Значит, не наедается, – отвечала спокойно та. – Переводите на смесь. Ничего страшного.

– Но ведь надо до года кормить? – спрашивала с ужасом в голосе Аня, которая слышала разговоры мамочек: если не кормишь до года, то ты вроде как не мать. Надо пить чай с молоком, травы и так далее, но до года – любой ценой.

– Кому надо? Вам или ребенку? – устало и ласково спрашивала Светлана Андреевна. – Если вам, это одно, если ребенку – переводите на смесь.

Аня купила смесь. Антон тут же покрылся сыпью.

– Это нормально. Привыкнет, – спокойно отвечала врач. – Теперь спит?

– Спит, – отвечала Аня.

– А вы спите?

– Нет.

– Вот, попейте таблетки. – Светлана Андреевна выписывала рецепт.

– Так мне же нельзя.

– Если вы не кормите, то можно. Грудь болит?

– Болит.

– Вот, купите таблетки. Лактация прекратится.

– Я думала нужно полотенцем перетянуть и капусту прикладывать...

– Ну, можно и полотенцем, и капустой, если вам так хочется. Но лучше таблетку выпить, – улыбалась ласково и терпеливо врач.

Аня купила таблетки, положила перед Георгием чеки из аптеки. Он всегда требовал, если случались незапланированные траты. Тот кивнул.

– Где таблетки? – уточнил Георгий.

– В аптечке, – ответила Аня без всякой задней мысли. Но вечером, собираясь выпить таблетку, чтобы прекратить лактацию, их не нашла. Заплакал Антон, и она забыла про таблетки, закрутившись с купанием и укачиванием. На следующий день Аня проснулась от пронзительного звонка в дверь. Кинулась сначала к Антону, тот сладко спал. В спальню она давно не заходила – Георгий наверняка не дома. Она перебралась в комнату Антона на диванчик и не слышала, когда муж приходил и уходил. Откровенно говоря, ее это вообще не волновало. Кто мог звонить в дверь ранним утром? Аня подумала про Наташу – вдруг что-то случилось?

На пороге стояла мать.

– Мама? Откуда ты? – Аня опешила.

– Меня Георгий вызвал. Сказал, тебе нужна помощь. Ты не справляешься, – ответила та.

Через час, когда мать рассказала Ане, какая она плохая жена и мать, раз не в состоянии выполнять элементарные обязанности – убрать, приготовить, – в дверь опять позвонили. На пороге стояла очень строгая женщина. Мать выбежала из кухни и начала лебезить:

– Ох, мы вас так ждали, так ждали. Проходите. Чаю хотите? Ванная сюда. Как же хорошо, что вы приехали, – лепетала мать, выдавая женщине чистое полотенце и распахивая перед ней дверь детской. Аня, очнувшись от ступора – ведь вторгались на ее территорию, – наконец обрела речь:

– А вы кто?

– Меня зовут Татьяна Анатольевна, я врач-педиатр, – представилась женщина. – Меня пригласил на консультацию ваш супруг.

– На какую консультацию? – Аня все еще ничего не понимала.

Врач посмотрела на нее так, будто уже поставила диагноз. Мать тоже смотрела на нее как на больную.

– Это что? – Врач ткнула в бутылочку со смесью, оставшуюся с вечера.

– Молока не хватает. Антоша плачет. Врач посоветовала перевести на смесь, – ответила Аня.

– Врач? Какой? Из поликлиники? – Татьяна Анатольевна говорила о коллеге так, будто та была ветеринаром или фельдшером в лучшем случае.

Дальше начался полный кошмар. Это Аня помнила точно. Даже спустя много лет не могла простить себя за то, что не сопротивлялась, а подчинялась. Слушалась и делала. Кивала и соглашалась. На все. Хотя у нее были все права как у матери... Значит, это она во всем виновата. Она, мать, не сделала главное – не защитила своих детей. Да и не пыталась, говоря начистоту. А уж почему – какая разница? Ты или делаешь или нет. Если бы она тогда выставила эту врачиху из квартиры, если бы наорала на Георгия, если бы схватила Антошку и уехала в Иваново – все сложилось бы по-другому... Но она этого не сделала, хотя очень хотела, каждый день только об этом и думала. Тогда почему не пошла на поводу у материнского инстинкта, самого сильного из всех существующих? Самого верного и самого громкого. Который не шепчет матери на ухо, а орет в громкоговоритель, в матюгальник – «не делай этого!». Или, наоборот, «делай это!». И ее инстинкт тоже орал, вопил. Но ей не хватило ума послушать. Проще было подчиниться и переложить ответственность на других – мать, супруга и эту вдруг нанятую Георгием Татьяну Анатольевну.

– Ты не понимаешь, это же так замечательно, – убеждала Аню мать, – тебе не нужно будет ходить в поликлинику. Татьяна Анатольевна – частный врач. Ты хоть знаешь, сколько она берет за выезд? Но она делает все – и прививки, и питание расписывает, и позвонить ей можно в любое время.

– Мне бы не понравилось, если бы мне звонили в любое время, – огрызнулась Аня, – почему ты не предупредила, что приезжаешь?

– Так я-то тут при чем? Георгий позвонил, сказал, тебе плохо, билеты уже куплены. Он мне купе оплатил, представляешь? Так что плохого, что муж беспокоится? Вот ты его подвела. В доме срач, еды нет. Неужели трудно сготовить?

– Я все время с Антошкой, – ответила Аня.

– Так нельзя. Нужно с мужем, – строго заметила мать.

– Ты мне сейчас советы в личной жизни даешь или молодой хозяйке на заметку? – хмыкнула Аня.

– Георгий – очень благородный человек. Он мне дал денег на новый насос – поставить на даче. Еще обещал бойлер оплатить. Любой мужчина хочет приходить в чистый дом, где пахнет домашней едой и где его встречает красивая жена. А не... – Мать сморщилась, глядя на собственную дочь, будто та стояла облитая помоями в буквальном смысле слова.

– Да, я не справляюсь. Не хочу готовить. Не хочу убирать. Так что, убить меня за это нужно? – заорала Аня.

После этого она слушала лекцию частного врача о важности и жизненной необходимости грудного вскармливания: нужно кормить грудью «до конца», «до последней капли», только тогда у ребенка появится иммунитет, разовьется мозг и установится связь с матерью.

– У меня не хватает молока. Там даже не молоко, а вода, – твердила Аня. – Антоша не наедается и плачет.

– Тогда мы сдадим анализ и только после этого будем рассматривать возможность искусственного вскармливания. А пока – кормите грудью, старайтесь, сцеживайтесь.

– А если врач из поликлиники считает по-другому? – спросила Аня.

– Или вы обслуживаетесь в поликлинике, или частным образом. Выбирайте. – Врач говорила с неприкрытой брезгливостью, будто речь шла о еде из ивановской рабочей столовки и блюдах из лучшего московского ресторана. Аня не сказала, что привыкла есть в столовке, в ресторан попала впервые с Георгием и предпочла бы ходить в поликлинику к доброй и уставшей Светлане Андреевне, которая считает, что мать не должна страдать и мучиться.

– Ваше молоко мы отправим в лабораторию, после этого поговорим, – заявила частный врач, уже сделав выводы без всякого анализа. Молоко было плохим, как и ребенок. У Ани, помимо некачественного и скудного количества молока, оказались неудачные соски, у Антона – недостаточно выраженный сосательный рефлекс. – Вы можете мне звонить, если у вас возникнут вопросы. Ваш супруг уже все оплатил.

Аня поняла, что ей не оставили выбора. Так и оказалось. Татьяна Анатольевна приходила раз в неделю, мать перед ней лебезила, Антошка начинал истошно плакать, когда врач его осматривала. Аня пила какие-то чаи, настои, сцеживалась, пихала грудь измученному и изголодавшемуся сыну, тот ее выплевывал. По ночам, убедившись, что мать уснула, Аня смешивала в бутылочке смесь и кормила сына. Антон жадно сосал, после чего они оба, обессиленные, засыпали. Аня едва успевала вымыть бутылочку, вытереть ее и поставить смесь в дальний ящик, заставив кастрюлями.

Мать полностью взяла на себя хозяйство – бегала по магазинам, лепила котлеты, жарила картошку. Выставляла перед зятем тарелки и стояла на изготовку – вдруг тот что-то пожелает?

– Может, компотику подлить? – спрашивала она услужливо. – Хороший сварила, из свежих ягод. Надо бы на зиму заморозить, чтобы Антоше варить. Можно? Я бы на рынок сходила, купила клюквы, облепихи.

Георгий кивал и выдавал деньги на ягоды. Мать отчитывалась, показывая разложенные по пакетам в морозилке ягоды.

– Какой суп на завтра сварить? Щи, борщ или, может, грибной? Куриный? – согласовывала мать с зятем его питание на следующий день. – Сырники пожарить или оладушки на завтрак? Может, омлет в духовке?

Георгий наслаждался. Говорил, «борщ» или «сырники». На завтрак просил омлет, запеченный в духовке, как в детском саду. Мать всплескивала руками от радости.

– Ты совершенно не ценишь своего счастья. Такой муж тебе достался. Не пойму, что он в тебе нашел, – выговаривала мать Ане, когда Георгий уходил на работу. – Вот, доешь сырник, жалко выбрасывать. – Мать ставила перед ней тарелку Георгия с недоеденным сырником. У Ани подступала к горлу тошнота. Она вставала и варила себе яйцо. Мать делала скорбное лицо и доедала сырник.

Как-то Аня до одури захотела пшенки. Той самой, из детства. Которая на утро – с молоком и сахаром, а в обед – с поджаренным луком в качестве гарнира. Из духовки, в горшке. Всегда требующая много масла, сахара – если на завтрак, побольше соли – если на обед, дышащая, будто разговаривающая. Пшенка – главная каша ее детства. Аня сварила пшенку на гарнир. Поставила на стол. Надеялась порадовать Георгия. Он увидел и отбросил вилку. Ушел. Даже не попробовал. Аня скovyрнула с горшка фольгу и стала есть. Это было невозможно вкусно.

Антон заплакал, и Аня взяла его на руки. Дала попробовать буквально несколько крупинок. Он зачмокал от наслаждения, она сама, кажется, впервые поела с удовольствием, досыта.

Мать носилась в панике по кухне.

– Пюрешечка есть с котлеткой. И гречка, как вы любите. Еще рисик с морковкой, – причитала она.

Георгий вернулся за стол, согласившись на «рисик с морковкой». Мать была счастлива.

Аня не понимала, почему Георгий так отреагировал на пшенку.

Мать считала, что пшенка – это не для него. «Каша для курей», как говорила она. И Аня опять осталась виновата, раз не поняла, какой гарнир понравится ее мужу.

– Прости, я не знала, что ты не любишь пшенку, – сказала она мужу.

Георгий не счел нужным ей ответить.

Спасали Аню только встречи с Наташей, которые стали редкими. Частная врачиха категорически запретила гулять с Антошей по магазинам и другим местам с большим скоплением людей. Только по лесополосе за неимением парка. Наташа не всегда могла себе позволить гулять по лесополосе. Ей нужно было забежать в магазин, в аптеку, на почту, в сберкассау и так далее. Но иногда они шли с колясками по дорожке.

– Не могу больше. Эта врачиха хуже моей матери. Антоша, как только ее видит, начинает вопить. Он ее боится. У меня грудь уже синяя от сцеживания, – призналась как-то Аня подруге.

– Частный врач – это дорого, да? – спросила Наташа.

– Не знаю, муж платит, – ответила Аня.

– Это ведь хорошо. Не надо в поликлинику таскаться. И в очереди сидеть тоже не надо, – заметила Наташа.

– Я бы лучше в очереди посидела к Светлане Андреевне, чем с этой гримзой раз в неделю общаться. Понимаешь, она говорит так, будто я недомать какая-то. Все не так делаю. У Антоши сыпь на попе появилась, так она со мной в таком тоне разговаривала, будто я хотела убить собственного ребенка. Мать меня тоже во всем винит. Лебезит перед Георгием, чуть ли не в ноги ему кланяется. Заладила, какой он щедрый – и на насос, и на бойлер деньги дал. Еще ремонт обещал оплатить.

– Это же хорошо, что он о твоей маме заботится, – заметила Наташа.

– Конечно, хорошо, только они – Георгий, мать, врачиха, – вообще исключили меня. Сами все решают. Как кормить Антошу, как и где с ним гулять. Я не имею права слова. Не могу так больше, – призналась Аня.

– Слушай, прости, пожалуйста, можем мы до магазина добежать? Мне надо на ужин что-нибудь купить. Постоишь с коляской? – попросила Наташа.

– Конечно.

Аня стояла с двумя колясками, когда из магазина вышла мать, нагруженная пакетами.

– Ты что тут делаешь? – ахнула она. – Тебе же запрещено!

– Что запрещено? Помочь подруге? – возмутилась Аня.

– Татьяна Анатольевна сказала, чтобы ты гуляла в лесополосе. Здесь же столько людей, инфекции. А если Антоша заболит? Кто будет виноват? – начала причитать мать.

– Конечно, я, кто же еще? Во всем ведь я виновата. Всегда, – огрызнулась Аня.

– Не такой я тебя воспитывала. Стыдно за тебя. Чего тебе еще нужно? Чего желать? На голову счастье упало, так ты его не ценишь. Даже ребенка не могла нормального родить, – мать поджала губы.

И тут Аня не сдержалась. Будто прорвало.

– Ты хочешь сказать, что Антоша больной? – заорала она на всю улицу. – Что я ущербная? Тебе другой нужен внук? Щекастый и толстый? А если не такой, как ты ожидала, значит, все, плохой, бракованный?

– Ты не была такой в детстве. С тобой проблем не было. И ела, и спала нормально, – не сдавалась мать. – Значит, плохо беременность ходила, не берегла себя. Поэтому и ребенка раньше срока родила. Не дите же виновато, что больным родилось, а мать, которая не доносила.

– Мама, ты хоть себя слышишь? Ты должна быть на моей стороне, меня поддерживать, а не чужого мужика, который денег дал, ты и счастлива! – кричала Аня.

– А что такого? Почему я не должна быть счастлива? Георгий – золотой зять. Ни в чем мне не отказывает. Тонометр купил, я даже не просила, только на давление пожаловалась. Денег на хозяйство дает столько, что я уже не знаю, чем его удивить. Вот зразы ему сделаю и пирог капустный испеку. Он сказал, что любит капустный. От тебя-то разносолов не дождешься. Не так я тебя воспитывала, не так...

Аня заплакала. Мать ушла не оглянувшись.

Вечером Георгий сделал ей выговор: никаких подруг, никаких дежурств с коляской у магазина. Мать, доложившая зятю обо всем, стояла рядом и кивала, соглашаясь с тем, что тот говорил.

– Или что? – уточнила Аня.

Мать аж присела от ужаса.

– Она больше так не будет, обещаю. Я за ней прослежу, – кинулась она к зятю и начала его умолять: – Молодая еще, глупая, не понимает. Ничего, мы ее перевоспитаем. Одумается. Еще гормоны после родов играют. Надо потерпеть. Придет в себя – будет молиться, что ей такое счастье выпало.

Аня ушла к Антоше, больше не в силах слышать причитания матери.

Та через пять минут влетела в комнату и зашипела:

– Ты с ума сошла? Хоть понимаешь, что можешь на улице остаться? Или назад в Иваново захотела?

– Лучше в Иваново, чем здесь с ним, с вами всеми.

– Не пушу, так и знай. Придешь на порог – дверь не открою, – заявила мать. – О себе не думаешь, обо мне и ребенке подумай. Я только жить начала нормально. И Антоша. На какие шиши ты его будешь содержать? Ни работы, ничего. На мою пенсию рассчитываешь? Так не надо. Я ее на гробовые откладываю. Сиди и молчи. Радуйся, что в Москве живешь, ни в чем отказа не знаешь. Неблагодарная ты! – Мать ушла в слезах.

Наверное, она была права. Аня никогда не любила готовить. Не понимала каких-то вкусовых привязанностей. Она не умела наслаждаться вкусом, за что ее сложно было винить – денег им с мамой хватало лишь на самое необходимое, да и то – не всегда. Аня привыкла довольствоваться тем, что есть на тарелке. И на том спасибо, как говорится. Даже в ресторанах она думала не о том, какая красивая подача, а о том, чтобы побыстрее наестся. У нее никогда не возникало желания купить себе что-то вкусное, именно для себя. А что она, собственно, любила? Еда ее детства разнообразием не отличалась – или капуста, или картошка. Мясо по праздникам. Да, еще горох в виде супа, каши. Перловка тоже в том же виде. Пшенка. Перемороженная сайра, всегда вонючая. Самое дешевое подсолнечное масло.

– Анька у нас особенная, ей всегда вкусно, – смеялись подружки по съемной квартире. И это было правдой. Аня не знала понятия «вкусно, не вкусно». Еда есть, чего еще желать?

Почему она не научилась готовить? Потому что не из чего было учиться, не на чем: пропавшая гнилая картошка, старая сковорода с несмываемым слоем нагара. Нельзя было выбросить сгоревшее или не съесть то, что лежит на тарелке. Черствый хлеб пускался на котлеты, прокисший кефир – на блины. Капуста не имела срока годности. Почернела – обрежь. Помидор подгнил с одной стороны – тоже обрежь. Еду нельзя выбрасывать. Все, что сгнивало, начинало плохо пахнуть, отдавали домашним животным, размачивая хлеб с плесенью в остатках старых щей. Кусок мяса, который варился не меньше четырех часов, но так и оставался дубовым,

нежующимся, собаки съедали с радостью. Все выживали как могли. Не только животные, но и люди. Аня так и выросла в режиме выживания.

Зато ее мать была теперь счастлива. Получив материальную возможность, она скупала продукты про запас, что-то без конца пекла, жарила. Закармливала зятя разносолами, выстав- ляя тарелки на столе в три ряда. Она получала настоящее удовольствие – и плита хорошая, и духовка работает, и дрожжи совсем другие. Каждая мелочь вызывала у нее неподдельный восторг, чем она делилась с Георгием. Тот чувствовал себя мужиком, принесшим на ужин не только мамонта, но и кролика с семгой заодно. Аня видела, как он расцветает, когда мать перед ним лебезит, приносит, уносит, спрашивает, понравилось или нет, не пересолила ли. Аня представляла себя на месте матери – сможет она делать так же? Нет, никогда. Знала бы она тогда, как все обернется...

Тогда Аня поняла, что это конец. Ее личный. Она больше не может думать только о себе, а вынуждена думать о матери и сыне, которые зависят от нее, точнее от ее мужа. И они действительно попали к нему в зависимость. С потрохами. А к хорошему быстро привыкаешь. Аня смотрела на детскую – красивая кровать, обои с самолетиками. Пеленальный столик, игрушки.

Нет, она не начала хитрить и обманывать, хотя другая, наверное, так бы и поступила. Притворялась. Аня не хотела, не могла себя заставить. Мечтала только об одном – попасть на прием в поликлинику, к Светлане Андреевне. Получалось, что доктор осталась единственным человеком, которому Аня могла признаться, что ей плохо. Невыносимо настолько, что хоть вешайся или выходи в окно. Что она хочет только лежать, никого не видеть и не слышать. Что даже Антоша не вызывает у нее приступа материнской любви и нежности. Она просто хочет остаться одна и чтобы от нее все наконец отвязались. Чтобы мама, муж, ребенок – разом исчезли, и она вновь оказалась на кровати в квартирке, которую снимала с подружками. Хотя бы на один долбаный день. Потому что в квартире, которую снял муж, ей было невыносимо засыпать и уж тем более просыпаться. Но поймет ли Светлана Андреевна?

Аня думала, как попасть к ней на прием. На ее счастье, государственная медицина оказа- лась сильнее частной. Однажды ей позвонила медсестра и спросила, почему они не пришли на плановую прививку.

– Нам ее сделали, – ответила Аня. – Частный врач.

– И что, я должна поверить на слово? – рявкнула медсестра. – Принесите справку о вак- цинации. И ребенка на осмотр. Грудничковые дни – вторник, четверг.

Опять же удача – этот разговор услышала или подслушала мать. И позже подтвердила зятю: да, звонили из поликлиники, требовали официального осмотра и справки. Частный врач, конечно, хорошо, но для детского сада и школы нужны справки из государственной поликли- ники. Иначе никак. Так что лучше Ане с Антоном сходить.

Детей было много. Антошка капризничал и плакал. Аня измучилась, пока дождалась очереди. Наташи рядом не было. Обычно они ходили на осмотры вместе. Так и ожидание про- ходило легче.

– Успеет врач принять? – спросила Аня медсестру. Прием уже заканчивался, а перед ней еще три человека.

– Не знаю, ждите, – ответила медсестра.

Антоша наконец задремал, устав от попыток высосать хоть каплю молока из материнской груди. Аня сидела в комнате, выделенной для кормящих матерей, и плакала.

– Хотите я покормлю? У меня много, – предложила ей девушка, сидящая напротив. – Уже сил никаких нет. Молока хоть залейся. Как у коровы. Давайте, мне все равно сцеживаться в раковину, иначе разорвет. Так хоть молоко не пропадет.

– Я не могу, неудобно как-то, – промямлила Аня.

– Чего неудобного-то? Раньше были кормилицы, молочные братья и сестры. Сейчас-то что изменилось? – не поняла девушка.

Антошка как назло отлепился от пустой материнской груди и закричал от злости, обиды, но главное, от голода.

– Ох, не могу это слышать. Давайте. – Девушка положила свою дочь, судя по розовому одеяльцу и всему остальному, тоже розовому, в переноску и приложила Антона к груди. Тот жадно подхватил сосок и замолк, чуть ли не чавкая от удовольствия.

– Как же хорошо... и сцезиваться не надо, – сказала девушка с таким облегчением, даже счастьем на лице, которого Аня не могла понять. Ей кормление, кроме боли, ничего не приносило. Она страдала, по-настоящему. Грудь горела, соски кровили, руки, держащие сына, становились свинцовыми, будто от непосильной ноши. А эта девушка, по виду – ее ровесница, получала наслаждение. Как такое может быть?

– Вам не больно? – уточнила Аня.

– Так надо было грудь готовить. Мочалкой тереть, пока беременная была, – ответила девушка. – Хорошо сосет, молодец мальчишка.

Аня расплакалась.

– Да ты чего? Ну подумай! Не ревнуй только. Это ж так... Он же маленький, ему все равно, чью титьку сосать. Он меня и не вспомнит, – забеспокоилась девушка. – А чего голодом-то его морить? Почему на смеси не переведешь?

– Частный врач сказала, что до года надо грудью, – призналась Аня.

– Ну а что она должна была сказать за деньги? Ей же надо их отрабатывать, – рассмеялась девушка. – Меня мама вообще манкой кормила с рождения. Не было у нее молока. Как пришло, так и ушло. А я в бабушку пошла – та и своих четверых детей выкормила и чужих не сосчитать. Она всегда говорила – зачем выливать, если кому-то надо. Вот твоему надо. И мне хорошо. А если в груди пусто, так зачем ребенка мучить? Это ж нормально. У кого-то – хоть залейся, а кто-то по капле выдавливает. Все разные. Дите-то тут при чем? Нету молока, так корми смесью.

Аня видела, как насытившийся Антоша отвалился от груди и уснул. Девушка упаковала грудь в лифчик и легонько покачала Антона. Тот отрыгнул, не просыпаясь.

– Все, забирай. – Девушка передала Ане ребенка.

– Спасибо, – сказала Аня и разрыдалась. Девушка ее успокаивала, гладила по голове, говорила, что все наладится, просто не надо нервничать и переживать. Если можешь кормить – корми, не можешь – так зачем страдать?

Она, так же как и врач из поликлиники Светлана Андреевна, говорила с позиции матери. Мать решает, как будет хорошо ей. А если ей, то и ребенку.

– Грудь болит очень, – призналась девушке Аня.

– Так, может, застой или мастит? Муж-то помогает? – спросила та.

– Как это? – не поняла Аня.

– У меня такой мастит был, что криком кричала. Муж помог. Рассосал, – ответила девушка.

– Это как? – все еще не понимала Аня.

– Да как ребенок и рассосал, – удивилась Аниному вопросу девушка. – А что еще осталось делать? Ты мужа попроси, пусть тебе грудь рассосет. Тогда и полегчает.

Аня попыталась представить, как просит Георгия рассосать грудь. Он бы ее сразу в психушку отправил. Неужели бывают настолько близкие отношения между супругами, когда одно целое, и в здравии, и в печали, и в радости... пока смерть не разлучит... Ладно, пусть не до смерти, но пока в браке... Аня давно поняла, что они с Георгием никогда не станут близкими людьми. Он был закрытым человеком. Никаких воспоминаний, фотографий из прошлого, никаких откровенных разговоров.

– Нечего вспоминать, – отвечал он, когда она спрашивала.

Она лишь знала, что Георгий рано остался сиротой. Родители погибли в автокатастрофе. Какая-то страшная авария – в их машину врезался потерявший управление бензовоз. Загорелись и он, и старая «Волга», на которой ехали родители. Его, на тот момент десятилетнего, отправили в детский дом – других родственников, готовых считать его родным и оформить опеку, не нашлось ни с материнской, ни с отцовской стороны, хотя вроде бы были. Брата отца, родного дядю, Георгий даже помнил – на рыбалку однажды ездили. Да и у матери сестра имела, вроде как двоюродная, но близкая. Так ему мама рассказывала. Говорила, не бойся, она тебя заберет, если со мной что случится. Не забрали. Георгий сначала очень хотел их найти, посмотреть в глаза, спросить, почему не забрали? Как могли жить, зная, что племянник в детском доме? Лишнюю тарелку супа считали или просто было наплевать?

А потом он решил, что у него нет родных. И друзей тоже. Так он Ане и сказал. Она больше не задавала вопросов. Хотя, если бы спросила, он бы рассказал. Хотел рассказать. Хоть кому-то. Близкому человеку. Жене. Но он сразу понял, что с женой у них не будет настоящей близости. Она была слишком молода, не имела его опыта потерь. Он не ждал, что она поймет или пожалеет. Молодость, считал он, эгоистична по своей природе. Если бы Аня только спросила... Может, их совместная жизнь сложилась бы по-другому.

Но Аня не желала понимать, в ней никогда не возникало эмпатии. Она не умела сочувствовать, сопереживать. Равнодушие? Скорее, душевная черствость. Такая черта характера, вот и все. Не только по отношению к нему, супругу, вообще – к матери, детям, другим людям. Анна могла спокойно пройти мимо ребенка, упавшего с велосипеда и зовущего маму, которая искала его на другой тропинке лесополосы. Не кидалась на помощь. Собственную мать она терпела. Но никакой внутренней привязанности не испытывала.

Георгия это не просто удивляло – шокировало. Он, потеряв мать, больше всего на свете хотел бы ее хоть раз увидеть. Пусть во сне. Вспомнить ее запах, голос. Но ничего не осталось. Все стерлось. Он завидовал Ане. Ее мама была жива, здорова. Она могла с ней увидеться в любой момент. Даже если мать что-то недодала дочери, не привила нежность, не стала ей близкой – пусть не подругой, а просто родным человеком, которому можно обо всем рассказать, – разве это уже не счастье: просто быть рядом. У него такой роскоши не было. Аня не стала для него близким человеком. Но разве он имел право судить ее за это? Нет, конечно. Он не знал, что такое настоящая близость, семья. Аня – жена. Посторонний человек, который вдруг стал родным по документам. К жизни это не имело никакого отношения.

Георгий не проявлял нежности, не был ласковым. Аня объясняла это его детством. Его не обнимали, не целовали, не прижимали. Тактильные ощущения он не понимал. Она и не пыталась пробиться к нему, откровенно говоря. Не хочет – не надо. Ей своих проблем хватает. Георгий оказался хорошим мужем, состоятельным, пусть и не щедрым, мужчиной, способным хорошо обеспечить семью. Разве этого недостаточно для счастья? Разбираться с его тараканами в голове она не собиралась. Она его не любила никогда. Если он этого не почувствовал, то сам дурак, что согласился на брак. Она его не заставляла. Это было его решение. Но и ее. Она хотела стабильности, достатка. Он – молодую жену. Так что сделка была выгодна для обеих сторон. Если Георгий рассчитывал на другое, то она нет. Она выходила замуж с «холодной головой».

Мать Аню тоже никогда в детстве не обнимала и не целовала, но она решила, что никогда так не поступит со своим ребенком. Антона, когда тот был младенцем, Аня тискала и зацеловывала. Каждый пальчик, каждую складочку на теле. Глазки, ушки.

– Что ты с ним лижешься? Он же мальчик, – строго сказала мать, увидев, как Аня целует сына.

– А с девочками можно? – огрызнулась она.

– Девочки – другое дело, – ответила мать.

– Тогда почему ты меня не целовала? – Аня закипала. Понимала, что сейчас сорвется.

– Некогда было. Работала я, – ответила мать. – Тебя надо было чем-то кормить, а не целовать. Ты сейчас на всем готовом с жиру бесишься, а поработала бы с мое – так ценила бы, что имеешь.

– Мам, надоело, понимаешь? Сколько можно? Почему я у тебя такая плохая – не ценю, не дорожу, не понимаю? Может, дело не только во мне? Может, в браке двое участвуют? – закричала Аня, не сдержавшись.

– Я не знаю, как сейчас. Раньше по-другому было, – сказала мать. – Георгий тебя одну не оставил, как меня твой отец. И деньги дает. От твоего отца я алиментов сроду не видела. Врачи у тебя – какие хочешь. Коляска, вон, сама едет. Не тебе меня судить. Скажи спасибо, что вырастила и на ноги поставила. Замуж тебя выдала, помогаю сейчас. Георгий прав – ты неблагодарная.

– Неблагодарная? Это он так сказал? – задыхнулась от возмущения Аня.

– Это я так сказала, – ответила мать. – Да, в браке двое. Только ты хоть себе-то не ври... Хоть один шаг навстречу Георгию сделала? Хоть как-то попыталась с ним сблизиться?

– Ты ничего не понимаешь! – закричала Аня. – Он другой, совсем другой.

– Конечно, другой, и я даже знаю, с кем ты его сравниваешь, – хмыкнула мать.

– Там все давно кончено! Или Георгий святой и до меня ни одной женщины не видел? – продолжала кричать Аня. – От твоей помощи – только хуже! – Она заплакала. – Ты мне что, охранник? О каждом моем шаге Георгию докладываешь. Ты хоть понимаешь, что я дышать здесь не могу! С вами! Не гуляю, не пью, ничего плохого не делаю. Я просто хочу хоть иногда встречаться с подругой, ходить к тому врачу, которому доверяю, делать то, что хочется мне, а не вам с Георгием.

– Ты сама себе выбрала судьбу, никто не заставлял, – пожала плечами мать. – Не нравится так жить – разводишься. И вот этого всего, – мать показала на квартиру, – не будет.

– Как же я вас ненавижу, ненавижу. Тебя и Георгия... – прошептала Аня.

– Давно вас не было видно, – сказала Светлана Андреевна. – Как вы себя чувствуете?

– Вроде бы хорошо, – ответила Аня, – но спит беспокойно. Стул нормальный, а вес все равно не набираем. Я пытаюсь сама кормить, только иногда удается бутылочку дать.

– Я про ваше самочувствие спрашиваю. – Врач посмотрела на Аню.

Они с Антоном были последними в очереди. Время приема давно закончилось, но Светлана Андреевна их приняла.

– Мне плохо, очень, – призналась ей Аня.

– Я вижу, – кивнула врач.

– Антошу разбудить? Понимаете, он поел и уснул, – начала объяснять Аня.

– Почему вы не перешли на искусственное вскармливание? – спросила врач.

Аня молчала.

– Ваши родственники против? Убедили кормить грудью? – уточнила врач, заранее зная ответ.

Аня кивнула.

– Анна, послушайте меня. У вас типичная послеродовая депрессия. Ваши родные только усугубляют это состояние. Я не могу вам ставить подобный диагноз, это делают психиатры. Так что никакие лекарства прописать не могу, не имею права. Я – педиатр. И как педиатр советую перевести Антошу на искусственное вскармливание, начинать прикорм раньше положенных сроков. Давать ему сироп, чтобы высыпался, и лекарства, чтобы захотел есть. Я сейчас объясняю на пальцах, чтобы вы понимали. Но самое главное другое – это вы. Вам нужна помощь больше, чем Антону. Вы – мать, и от вас зависит, что будете делать со своим сыном. Никакие родственники не вправе решать. Только вы. А для этого должны быть в стабильном психологическом состоянии. Понимаете? Антону нужна сильная, адекватная, уверенная в себе мама.

Иначе никак. Если запустите себя, можете выйти в окно вместе с ребенком. Это не вы, а ваша болезнь будет вами управлять. Поэтому исключите из своей жизни факторы, которые вас убивают. Морально, конечно же. Срочно запишитесь на прием к психиатру, я могу порекомендовать хорошего врача, он подберет препарат и дозировку. И принимайте решения и за себя, и за сына. Переводите ребенка на искусственное вскармливание, готовьте сами – я распишу график прикорма и диету по дням и часам. Скажите всем родным, что это ваше решение. Вы – мать, имеете на это полное право.

– Муж нанял частного врача. Она считает, что надо кормить грудью минимум до года... – призналась Аня. – Меня теперь даже в поликлинику не отпускают.

– Анна, а вы сами чего хотите? – устало спросила Светлана Андреевна.

– Я не знаю, ничего не знаю. Хочу, чтобы все это побыстрее закончилось. – Аня держалась за голову, которая начала нестерпимо болеть.

– Это не закончится, пока вы сами не решите. Нет таблетки, которая вас спасет. Есть, которая поможет. Просто помните, что вы – мать, и только вам решать, что делать с ребенком. Его никто не может у вас отнять.

Она во всем виновата. Другая бы на ее месте кричала, вопила, ползала на коленях, делала все возможное и невозможное, чтобы не разлучаться с ребенком. Но она этого не сделала. Испугалась? Нет. Думала, что не получится? Тоже нет. Тогда почему? Каждый вечер Аня задавала себе этот вопрос. Почему не сражалась, не билась за сына? Почему так быстро и просто от него отказалась? Сама предложила Георгию поделить детей. Для себя у нее давно было готово оправдание – так будет лучше для Антона. И ей проще с одним ребенком, чем с двумя. Врач твердила, что нужно думать о себе, вот она и подумала. У нее еще может быть личная жизнь. И вообще другая жизнь. С одним ребенком ее устроить легче. Юлька – девочка, она поймет. Антон никогда бы не принял отчима. Аня себя в этом убедила. И вот тогда она предала сына. По-настоящему.

После развода Георгий попросил ее поговорить с Антоном. Объяснить все.

Они сидели на лавочке, и Аня не знала, что сказать сыну. Какие подобрать слова.

– Мы будем видеться, правда? – первым спросил Антон.

– Конечно, обещаю! – сказала она.

– А где? Давай рядом с футбольным полем около школы. Там, где ворота. Они всегда приоткрыты. Рядом гаражи. Никто не узнает, – предложил Антон.

– Давай. Буду ждать тебя там каждый день после уроков. Если ты не сможешь, ничего страшного, – пообещала она.

Аня предала собственного сына, поддавшись другим чувствам, надеждам, уступив собственному эгоизму, и этому нет прощения. Грех, который не замолишь никакими молитвами. Боль, не становящаяся слабее с годами. Родитель, предавший собственного ребенка, будет жить в собственном аду. И станет мечтать об аде в загробной жизни, с вечными мучениями, горящими кострами и булькающими котлами. Потому что ад реальный мучает не снаружи, а изнутри. Пожирает и сжигает внутренности. Не медленно, а сразу. Человек живет с дырой внутри. Черной, беспросветной дырой. Чувствовала ли она это тогда? Нет. Ни одного мгновения. Жила мыслями о будущем, которое никак не становилось светлым. Не все женщины способны на материнский подвиг – жить, терпеть, все выносить ради детей, ставя их интересы на первый план. Аня хотела жить ради себя.

– А как же дети? – спросил Георгий, когда речь зашла о разводе.

– При чем здесь дети? – удивилась Аня. – Они привыкнут.

Антон крутил головой, высматривая маму в условленном месте за футбольным полем. Но она не пришла ни в тот день, ни на следующий. Целую неделю Антон каждый день ее ждал. Конечно, он понял, что она не придет, но все еще надеялся. Придумывал объяснения – мама

могла заболеть, у нее дела. Знал, что сам себя обманывает. Прошла неделя, и Антон стал после уроков бегать к Юльке в младшую школу. Она его всегда ждала.

– Я хотел маму увидеть, – признался однажды Антон сестре.

– Ага. Но она не может. Мама мне сказала, что ей папа запретил. Если с тобой увидится или поговорит по телефону, он перестанет давать нам деньги, – ответила Юлька.

– Но можно было бы тайно... мы же договаривались, – заметил Антон. – Папа не узнал бы.

– Мама говорит, он все равно узнает. Следит за ней. И за нами тоже – пожалала плечами Юлька.

Антон кивнул. После этого решил проверить, правда ли отец за ним следит? Оставлял на ноутбуке тетрадь или ручку. В ящике стола линейку или ластик. Определенным образом. И они никогда не были сдвинуты. Выходит, мама обманывала и никакой слежки не было? Антон не знал, что думать.

Аня часто возвращалась в прошлое, пытаясь понять, в какой момент ее жизнь пошла под откос. И выходило, что она сама каждый день гнала поезд в пропасть.

Первый год жизни Антона она плохо помнила. В конце концов даже частный врач согласилась на искусственное вскармливание. Клиент – то есть Георгий – был недоволен работой врача. Антон все еще не набирал вес и плакал по ночам. Но врач настояла – никаких банок, только домашняя еда. Анина мать без конца что-то перекручивала в блендере, варила, тушила, снова перекручивала и была счастлива. Но, поскольку все ее время уходило на готовку для внука, Георгий остался без полноценных ужинов. Чем тоже был недоволен.

– Я не успеваю, – заламывала руки мать, оправдываясь перед зятем, как горничная перед хозяином. – Да, не научила Аню готовить. Но она старается. Только не выходит у нее. Не приспособлена она к плите. Соседка наша, Галка, та что ни сготовит, так жрать нельзя. А ей вкусно. Намудрит что-то: то помидоры фаршированные, то рыбу с сыром, ну смотреть страшно, а ей отлично. Моя Анька тоже из таких женщин, видать. Руки вроде на месте, а как к плите подходит – так из жопы. Не дано ей.

Это была чистая правда. Есть женщины, которые готовить хотят, но не могут. Не чувствуют. И получается полная гадость. Аня оказалась из таких. Но она хотела научиться.

Георгий оплатил жене кулинарные курсы, заставил всю кухню утварью – пароварки, сковородки, любые сковороды. Аня отходила на курсы. Очень старалась, но в результате получалось несъедобное варево. Георгий пробовал и выбрасывал содержимое тарелки в мусорное ведро. На глазах у Ани.

– Готовь сам, раз тебе не нравится, – сказала однажды мужу Аня.

На следующий день она провожала мать домой, в Иваново. Оказалось, они с Георгием все обсудили и решили предоставить полное хозяйство Ане. Пусть сама справляется, старается, учится. Да, наверное, тогда она сломалась окончательно. Хотя должна была стать сильнее, научиться противостоять жизненным обстоятельствам. Хотела семью – так пусть научится о ней заботиться. Мечтала стать домохозяйкой, так вот шанс – занимайся ребенком и домом. Не нравится, что все командуют и понукают, сделай так, как нужно тебе. Возьми треклятые «бразды правления» в свои руки. Управляй домом, семьей. Но Аня не умела и не хотела брать на себя ответственность. Она растерялась, оставшись без советов, понуканий, от которых страдала. Но без них все ее безволие, неспособность принять решение расцвели пышным цветом, вместо того чтобы сделать сильнее. Эффект получился обратным.

Антон, как считалось, пошел в мать. Также никогда не спорил, отступал, был слишком мягким и зависимым. Но разница все же имелась. Антон не был слабым или бесхребетным. Просто не хотел спорить, чтобы не огорчать другого человека. Не желал драться, потому что боялся сделать кому-то больно. Отдавал игрушки, показывая не слабость, а заботу, сострадание. Если другой ребенок так сильно хочет эту игрушку, значит, она ему нужнее.

В этом он был лучше своей матери. Аня не руководствовалась такими мотивами, когда жила по правилам, установленным Георгием. Она не хотела сделать ему приятно, позаботиться. Лишь мечтала, чтобы он от нее наконец отстал. Почему сразу не развелась, когда почувствовала, что они с мужем не смогут построить нормальную семью? К хорошей жизни быстро привыкаешь, как и к достатку. Аня привыкла. Ей не хотелось возвращаться в прошлую жизнь – нищую, от зарплаты до зарплаты. Она привыкла к хорошему матрасу, белью, полотенцам. К тому, что у Антона есть всевозможные игрушки и красивая коляска. Она признавала, что Георгий – ответственный отец. Когда Антоше исполнилось три года, они переехали в новый район, славящийся хорошими детскими садами и школами. Ане там было некомфортно, страшно, но кого волновали ее чувства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.